

INSPIRIA

КНИГА
ЛЕГЛА
В ОСНОВУ
СЕРИАЛА «ВЕРА»

СКРЫТЫЕ ГЛУБИНЫ

УБИЙСТВО ПО СОСЕДСТВУ:
СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭНН КЛИВЗ

INSPIRIA

Убийство по соседству. Современный британский детектив

Энн Кливз

Скрытые глубины

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Кливоз Э.

Скрытые глубины / Э. Кливоз — «Эксмо», 2007 — (Убийство по соседству. Современный британский детектив)

ISBN 978-5-04-118889-4

Очередное жаркое лето на побережье Нортумберленда. Джули Армстронг возвращается домой после вечерней прогулки и обнаруживает, что ее сын убит. Люка задушили, положили в наполненную ванну и украсили дикими цветами. Эта стилизованная сцена убийства заинтриговала инспектора Веру Стэнхоуп и ее команду. Но они должны действовать быстро, чтобы найти таинственного маньяка. А пока местные жители вынуждены делиться своими самыми темными тайнами с детективом, убийца наблюдает и ждет. Возможно, он успеет спрятать еще одно тело в красивые темные глубины... Энн Кливоз наследует своим великим предшественникам, создавая объемные, психологически точные портреты персонажей. Бескрайние пейзажи и удушливая атмосфера провинциальных городков, пронизательность детектива и нестандартные методы расследования — все это откроет новые грани современного британского детектива. 1. Известный в Великобритании автор детективов. 2. Сочетание увлекательной детективной загадки и глубокого психологизма. 3. Атмосфера классического британского детектива. 4. Главная героиня, которая стоит в одном ряду с самыми известными литературными сыщиками. 5. Книга легла в основу сериала «Вера». «Кливоз мастерски наносит мощный, уверенный удар и попадает в самую точку» - The Observer «С каждой книгой Энн Кливоз пишет все лучше! "Скрытые глубины" - полна едва уловимых намеков и тонких нюансов. А Кливоз вырисовывает персонажей с большой заботой и вниманием.» - Tribune

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-118889-4

© Кливз Э., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	36
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Энн Кливз

Скрытые глубины

Глава первая

Джули вывалилась из такси и обернулась посмотреть машине вслед. На крыльце она остановилась, чтобы прийти в себя. Лучше не показываться детям такой пьяной – после всех нотаций, которые сама же им читала. Звезды в небе плясали и кружились, и ее чуть не вырвало. Но ей было все равно. Хороший был вечер, сто лет она не встречалась с девчонками вот так. Впрочем, настолько хорошим он стал не из-за девчонок, подумала она и вдруг осознала, что глупо улыбается. Хорошо хоть, что на улице темно и ни души.

У двери она снова остановилась и начала шарить в сумке, пытаясь найти ключи среди карандашей для подводки глаз, заляпанных помадой салфеток и мелочи. Пальцы нащупали клочок бумаги, оторванный от меню в баре. Номер телефона и имя. *Позвони мне*. И сердечко. Первый мужчина, до которого она дотронулась после Джеффа. Она все еще чувствовала на кончиках пальцев его позвонки, которых она касалась, когда обнимала его во время танца. Жаль, что ему пришлось рано уйти.

Джули защелкнула сумочку и прислушалась. Ничего. Так тихо, что она слышала, как шумит в ее ушах музыка, игравшая в баре. Неужели Люк спит? Лора может спать бесконечно, а вот сыну спалось плохо. Даже сейчас, когда со школой покончено и рано вставать не было необходимости, он обычно просыпался раньше нее. Она толкнула дверь и снова прислушалась, выскользнув из тужурки, в которых мучилась с того самого момента, как вышла из метро несколько часов назад. Боже, последний раз она так танцевала, когда ей было лет двадцать пять. В доме было тихо. Ни радио, ни телевизора, ни писка компьютера. Слава богу, подумала она. Слава богу, твою мать. Ей хотелось спать и видеть эротические сны. Где-то на улице завели мотор.

Она щелкнула выключателем. Свет ударил по глазам, в желудке снова все перевернулось. Она бросила сумочку и побежала наверх, в ванную комнату, споткнувшись на полпути. Не дай бог, вырвет на новый ковер. Дверь ванной была заперта, под дверью виднелась полоска света. Из вентиляционного шкафа донеслось слабое бульканье, а это значило, что бак был пуст и наполнялся водой. Как типично для Люка. То его утром в душ не загонишь, то он принимает ванну посреди ночи. Она постучалась, хотя это уже было не срочно. Тошнота отступила.

Люк не ответил. Наверное, очередной перепад настроения. Джули знала, что это не его вина, и ей следует быть терпеливее, но иногда он вел себя так странно, что хотелось его придушить. Она прошла дальше, в комнату Лоры. Посмотрела на дочь и вдруг расчувствовалась. Надо постараться проводить с ней больше времени. Четырнадцать лет – сложный возраст для девочки, а в последнее время Джули была так занята Люком, что Лора стала казаться чужой. Джули и не заметила, как она выросла. Лора лежала на спине, ее колючие волосы казались особенно черными на фоне белой подушки. Она слегка всхрапывала, рот был открыт. Неудачное время для сезонной аллергии. Джули увидела, что окно открыто, и, несмотря на жару, закрыла его, чтобы в комнату не залетала пыльца. Лунный свет заливал поле за домом, где косили траву.

Она вернулась к ванной и хлопнула по двери ладонью.

– Эй, ты там что, на всю ночь застрял?

Она постучала снова и снова, и на третий раз дверь распахнулась. Она не была заперта. Внутри пахло маслом для ванны, тяжелый и сладкий запах был Джули незнаком. Вещи Люка были аккуратно сложены на сиденье унитаза.

Он всегда был красивым, даже в младенчестве. Намного симпатичнее Лоры, что казалось несправедливым. Светлые волосы, темные глаза, длинные темные ресницы. Джули смотрела на него, погруженного в воду в ванне, его волосы поднимались к поверхности, как водоросли. Его тело она не видела из-за цветов. Надушенная вода была вся покрыта цветами. Только цветки – ни листьев, ни стеблей. Большие ромашки, которые росли на кукурузных полях, когда она была ребенком. Раскрытые маки с полупрозрачными красными лепестками. И огромные голубые цветы, которые она видела раньше в садах в деревне, но не знала их название.

Наверное, Джули закричала. Она услышала свой крик так, как если бы кричал кто-то другой. Но Лора все еще спала, и Джули пришлось встряхнуть ее, чтобы разбудить. Вдруг ее глаза распахнулись, очень широко. Она выглядела напуганной, и Джули поймала себя на том, что бормочет что-то, зная, что это ложь.

– Все в порядке, милая. Все хорошо. Но нужно вставать.

Лора свесила ноги с кровати. Она дрожала, но все еще была в полусне. Джули обняла ее, и вместе они спустились по лестнице.

Так они стояли, обнявшись, на пороге соседского дома, когда Джули увидела в свете фонаря их тень и невольно подумала об этих чокнутых гонках, где двух людей связывают и они скачут на «трех» ногах. Таких гонках, которые студенты устраивают во время походов по барам. Она нажала на кнопку звонка и не отпускала, пока наверху не зажегся свет, не послышались шаги и не появился хоть кто-то, с кем она могла разделить этот кошмар.

Глава вторая

Фелисити Калверт беспокоило, что она стала так много думать о сексе. Как-то раз, сидя в приемной перед кабинетом врача, она прочитала в журнале, что мальчики в подростковом возрасте думают о сексе каждые шесть минут. Ей трудно было в это поверить. Как эти молодые люди могут вести нормальную жизнь – учиться, смотреть кино, играть в футбол, – если так часто отвлекаются? А что насчет ее собственного сына? Наблюдая за тем, как Джеймс играет на полу в лего, она не могла представить, что через несколько лет он станет таким же одержимым. Но теперь ей казалось, что погружаться в эротические фантазии раз в шесть минут – это не так уж часто. По крайней мере, для нее. В последнее время ощущение собственного тела и его откликов на все, что бы она ни делала, стало неловким и иногда приятным фоном ее повседневной жизни. Для человека ее возраста это казалось неуместным. Как прийти на похороны в розовом.

Она была в саду, собирала первую клубнику. Аккуратно подняла укрывную сетку, просунула под ней руку к грядке. Ягоды еще были маленькие, но Джеймсу к чаю хватит. Она попробовала одну. Клубника была теплой от солнца и очень сладкой. Она взглянула на часы и поняла, что вот-вот приедет школьный автобус. Еще десять минут, и ей надо будет помыть руки и пойти вниз по переулку, чтобы встретить его. Она не всегда ходила его встречать. Он считал, что уже достаточно взрослый, чтобы самому дойти до дома, и, конечно, так оно и было. Но сегодня у него была скрипка, и он обрадуется, если она к нему выйдет, чтобы помочь донести вещи. Интересно, за рулем будет старый водитель или молодой, с мускулистыми руками и футболкой без рукавов. Она снова посмотрела на часы. Всего две минуты прошло с тех пор, как она в последний раз думала о сексе. Она снова подумала, что в ее возрасте это просто нелепо.

Фелисити было сорок семь. У нее был муж и четверо детей. Господи, у нее даже был внук. Через несколько дней Питеру, ее мужу, исполняется шестьдесят. Желание поднималось в ней, когда она ждала этого меньше всего. С Питером она об этом не говорила. Естественно. Уж он-то точно не был объектом ее фантазий. В последнее время они редко занимались любовью.

Она встала и пошла по траве на кухню. Поместье Фокс-Милл стояло на месте старой водяной мельницы. Это был большой дом, построенный в тридцатые годы, пристанище одного судовладельца из города. Он и внешне был похож на корабль: плавные изогнутые линии, мельничный ручей позади. Большой корабль в стиле ар-деко, выброшенный на сушу посреди равнинных сельскохозяйственных угодий, носом устремленный к Северному морю, а кормой – к Нортумберлендским холмам, видневшимся на горизонте. Вдоль одной из стен тянулась словно палуба длинная веранда. Непрактично, ведь с этой стороны редко бывало тепло. Она любила этот дом. Они ни за что не смогли бы позволить себе его на зарплату преподавателя, но родители Питера умерли вскоре после того, как они с Питером поженились, и он получил все их наследство.

Она поставила корзину с клубникой на стол и посмотрела на себя в зеркало в коридоре, поправила волосы и подкрасила губы. Она была старше, чем матери друзей Джеймса, и ей не нравилось думать, что ему может быть за нее стыдно.

Вдоль дороги цвела бузина. От запаха у нее кружилась голова и першило в горле. По обе стороны ограды зрела кукуруза. Она была высажена слишком густо, чтобы здесь росли цветы, но на их собственном лугу рядом с домом цвели лютики, клевер и бенгальский горошек. Вдали горячий воздух дрожал над ухабистым шоссе. Солнце светило непрерывно вот уже три дня.

В эти выходные у Питера день рождения, и она думала о том, чем можно будет заняться. В пятницу вечером приедут ребята. Она называла их ребятами, хотя Сэмюэл был не младше ее самой. Но, если все будет так, как задумано, в субботу можно было бы устроить пикник на

пляже, поехать на острова Фарн, посмотреть на тупиков и кайр. Джеймсу это наверняка понравится. Она искоса посмотрела на небо, пытаясь почувствовать, не приближается ли холодный фронт, не появится ли на горизонте хоть одно облачко. Ничего. Возможно, вода даже будет достаточно теплой, чтобы поплавать, подумала она и представила, как волны разбиваются о ее тело.

Она дошла до конца переулочка, но автобуса еще не было видно. Забралась на деревянную платформу, куда раньше фермеры выставляли бидоны с молоком, чтобы их забрали на грузовике на продажу. Дерево было горячим и пахло смолой. Она откинулась на спину, подставив лицо солнцу.

Через два года Джеймс перейдет в среднюю школу. Это ее ужасало. Питер поговаривал о том, чтобы отправить его в частную школу в городе, туда, куда когда-то ходил он сам. Она видела мальчиков в полосатых блейзерах в метро. Они казались ей очень уверенными и громкими.

– Но как он будет туда добираться? – говорила она. На самом деле ее волновало другое. Она считала, что на Джеймса не нужно давить. Он медлительный, мечтательный мальчик. Лучше было бы позволить ему учиться в своем темпе. Ему бы больше подошла общеобразовательная школа в соседней деревне. Даже требования в старшей школе в Морпете, где учились другие их дети, казались ей слишком сложными.

– Я мог бы его отвезти и забирать, – отвечал Питер. – После уроков есть много чего интересного. Он может оставаться в школе, пока я не закончу работу.

Это вызвало у нее еще большее неодобрение. Время, которое она проводила с Джеймсом после того, как он возвращался из школы, было особенным. Ей казалось, что без этого она потеряет сына.

Она услышала, как вверх по дороге взбирается автобус, и села прямо, шурясь на солнце. За рулем был Стэн, старик. Она помахала ему, чтобы скрыть свое разочарование. Обычно на этой остановке выходили трое – девочки-близняшки с фермы и Джеймс. Но сегодня первой из автобуса вышла незнакомая девушка в кожаных сандалиях и красно-золотом приталенном платье без рукавов с пышной юбкой. Фелисити понравилось платье, то, как ниспадала юбка, и яркие цвета. Молодежь сейчас, казалось, предпочитает носить черное и серое даже летом. Увидев, что девушка помогает Джеймсу с сумками и скрипкой, она сразу прониклась к ней симпатией. Близняшки перешли дорогу и побежали к ферме, автобус уехал, и у ограды остались они втроем. Стало немного неловко.

– Это мисс Марш, – сказал Джеймс. – Она работает у нас в школе.

У девушки была большая соломенная сумка с кожаным ремнем через плечо. Она протянула руку, очень длинную, загорелую и худую. Сумка соскользнула с плеча, и Фелисити увидела в ней папки и библиотечную книгу.

– Лили, – голос был звучным. – Я студентка. Это моя последняя педагогическая практика. Она улыбнулась, как будто ожидала, что Фелисити будет рада знакомству с ней.

– Я сказал ей, что она может остановиться в нашем коттедже, – сказал Джеймс и легкой походкой отправился к дому, не заботясь о том, кто из взрослых понесет его вещи.

Фелисити не знала, что сказать.

– Он ведь говорил, что я ищу, где пожить? – спросила Лили.

Фелисити покачала головой:

– О боже, как неловко.

Но она не выглядела смущенной. Она казалась удивительно уверенной в себе, а произошедшее сочла забавным.

– Ездить из Ньюкасла каждый день без машины – настоящий кошмар. Директор спросил на собрании, не знает ли кто-нибудь, где здесь можно остановиться. Мы думали насчет гостиницы или семьи, которая захочет пустить постояльца. А вчера Джеймс сказал, что вы съедете

коттедж. Я звонила сегодня днем, но никто не ответил. Он сказал, что вы, наверное, в саду и можно приехать в любом случае. Я решила, что он обсудил это с вами. Сложно было отказать...

– О да, – согласилась Фелисити. – Он может быть очень настойчивым.

– Слушайте, ничего страшного. Погода прекрасная. Я прогуляюсь до деревни, а оттуда в шесть часов ходит автобус до города.

– Дайте мне подумать, – сказала Фелисити. – Заходите, выпьем чаю.

Они и раньше сдавали коттедж в аренду, но это всегда заканчивалось плохо. Сначала они были рады дополнительному заработку. Даже с деньгами, доставшимися от родителей Питера, выплачивать ипотеку было очень тяжело. Потом трое маленьких детей, и они решили, что можно поселить в коттедже няню или сиделку. Но те вечно жаловались на холод, протекающий кран или отсутствие современных удобств. А им было некомфортно от того, что чужой человек живет так близко к их семье. Кроме того, они ощущали ответственность за жильца, и это добавляло стресса. Хотя никто из них не доставлял особых проблем, они всегда испытывали облегчение, когда арендатор съезжал.

– Никогда больше, – сказал Питер, когда съехала последний жилец коттеджа, няня из Швеции, все время тосковавшая по родине. Фелисити не знала, как он отреагирует на то, что на их пороге появилась очередная девушка, хотя до конца семестра оставалось всего четыре недели.

Они сидели за кухонным столом, легкий ветерок с моря раздувал муслиновые занавески на открытом окне, и Фелисити Калверт подумала, что, возможно, позволит девушке остаться у них, если она сама этого захочет. Питер не станет сильно возражать, ведь это ненадолго.

Джеймс сидел рядом с ними за столом, вокруг него лежали обрезки бумаги, ножницы и клей. Он пил апельсиновый сок и делал поздравительную открытку для отца. Задумка была основательная, с фотографиями Питера из старых альбомов, выложенными коллажем вокруг большой цифры «60», сделанной из ленточки и блесток. Лили восхитилась открыткой, спросила о старых снимках. Фелисити чувствовала, что Джеймсу нравится ее интерес, и прониклась к ней благодарностью.

– Полагаю, раз вы живете в Ньюкасле, на выходные вам коттедж не понадобится, – сказала она. Она подумала, что это будет еще одним аргументом для Питера. *Она здесь будет только в рабочие дни. А ты так много работаешь, что и не заметишь ее присутствия.*

Коттедж стоял за лугом с полевыми цветами. Помимо сада, это была единственная земля, которой они владели. Из дома коттедж казался таким маленьким и приземистым, что было трудно поверить, что там можно жить. Через луг была протоптана тропинка, и Фелисити задумалась, кто мог ходить здесь после последнего покоса. Наверное, Джеймс. Он приходил сюда играть с друзьями. Правда, они запирали домик, и Фелисити не припоминала, чтобы он в последнее время просил ключ.

– «Коттедж» звучит солиднее, чем есть на самом деле, – сказала она. – Всего одна комната наверху и одна внизу, с ванной комнатой позади. Здесь жил садовник, когда дом только построили. До этого тут, кажется, был свинарник. В общем, какая-то хозяйственная постройка.

Дверь была заперта на навесной замок. Она открыла его и застыла. Ей вдруг стало неловко. Лучше бы она заглянула в домик сама, прежде чем приглашать сюда незнакомого человека. Надо было оставить Лили на кухне, а самой проверить, в каком состоянии он находится. Она сразу почувствовала, что внутри было сыро, но в целом оказалось достаточно чисто. Каминная решетка была пуста, хотя она не помнила, чтобы чистила ее после того, как здесь на Рождество останавливалась ее старшая дочь с мужем. Сковородки висели на своих местах на стене, клеенчатая скатерть на столе была протерта. В домике стояла приятная прохлада. Она открыла окно.

– На ферме косят траву, – сказала она. – Отсюда чувствуется запах.

Лили зашла внутрь. Сложно было сказать, что она подумала об этом месте. Фелисити ожидала, что она придет в восторг, и ей стало обидно. Как будто она предложила дружбу, а ее отвергли. Она пропустила девушку в маленькую ванную. Обратив ее внимание на то, что душ новый, а кафель недавно заменили, она почувствовала себя риелтором, который отчаянно хочет продать дом. «Почему я так себя веду? – подумала она. – Я ведь даже не была уверена, пускать ее сюда или нет».

Наконец Лили заговорила:

– Можно посмотреть наверху?

И она начала подниматься по крепким деревянным ступеням, ведущим наверх прямо из кухни. Фелисити снова почувствовала такое же беспокойство, как у двери домика. Лучше бы ей было оказаться там первой.

Но все опять-таки оказалось лучше, чем она ожидала. Кровать была застелена, в ногах аккуратно сложено стеганое покрывало и одеяла. На буфете, на туалетном столике и на стоявших на нем семейных фотографиях лежала пыль, но не было ни мусора, ни беспорядка, который обычно оставался после ее дочери. На широком подоконнике стоял кувшин с белыми розами. Один из лепестков упал, и она рассеянно его подняла. «Конечно, – подумала Фелисити. – Здесь побывала Мэри, хоть я ее и не просила. Она просто прелесть! Такая ненавязчивая и услужливая». Мэри Барнс приходила к ним убираться два раза в неделю.

Лишь выйдя на улицу и запирая за собой домик на замок, Фелисити подумала, что розы явно стоят там всего пару дней, а Мэри, женщина без воображения, сама никогда не додумалась бы их поставить.

Они ненадолго остановились снаружи коттеджа.

– Ну как? – спросила Фелисити. – Что думаете?

Она заметила в своем голосе нотку фальшивой веселости.

Лили улыбнулась.

– Прелестно, – сказала она. – Правда. Но нужно многое обдумать. Я свяжусь с вами на следующей неделе, хорошо?

Фелисити хотела предложить ее подвезти, хотя бы до автобусной остановки в деревне, но Лили уже развернулась и пошла через луг. Фелисити не могла заставить себя окликнуть ее или побежать за ней, поэтому просто стояла и смотрела вслед, пока ее красно-золотистая фигура не исчезла в длинной траве.

Глава третья

Джули говорила и не могла остановиться. Она знала, что выглядит глупо, но слова лились сами собой, а толстая женщина, втиснувшаяся в модное кресло, которое Сэл достала на распродаже в том году, просто сидела и слушала. Не записывала, не задавала вопросов. Просто слушала.

– С ним было легко. Не то что с Лорой. После Люка она меня просто шокировала. Очень требовательная мадам, то спала, то плакала, то лежала с бутылочкой во рту. Люк был... – Джули замолчала, подыскивая правильное слово. Толстая женщина-детектив не перебивала, давая время подумать. – Спокойным, мирным. Он весь день лежал, но не спал, а просто смотрел на тени на потолке. Говорить начал немного поздно, но к тому времени у меня уже появилась Лора, и врач говорил, это могло быть связано. В смысле, она была такая шустрая, отнимала все мое время и энергию, и на Люка сил не оставалось. Но доктор говорил, что это не страшно, что он наверстает, как только пойдет в детский сад. Джефф тогда еще жил с нами, но очень много работал. Он штукатур. На юге платят больше, он стал работать в одном из этих агентств и в итоге попал в Канэри-Уорф. Трудно приходилось с двумя маленькими детьми одной, без мужчины.

На это женщина ответила, кивнув головой в знак понимания.

– Я отправила его в садик при школе в деревне. Сначала он не хотел идти, им приходилось отрывать его от меня, а когда я возвращалась через час, он все еще рыдал. Это разбивало мне сердце, но я думала, что так будет лучше. Ему нужна была компания. Врач говорил, что это правильно. И он привык. По крайней мере, перестал кричать. Но все время смотрел на меня таким взглядом... Его глаза без слов говорили: *«Не заставляй меня идти туда, мама. Пожалуйста, не заставляй»*.

Джули сидела на полу, подтянув колени к подбородку и обхватив ноги руками. Она взглянула на детектива, которая все смотрела на нее и ждала. Ей вдруг пришло в голову, что эта женщина, огромная и крепкая, как скала, возможно, и сама когда-то пережила трагедию. Вот почему она просто сидела и не издавала этих идиотских вздохов сожаления, как Сэл и врач. Эта женщина знала, что никакие слова не принесут облегчения. Но Джули не волновали печали детектива, эта мысль была мимолетной. Она вернулась к своей истории.

– Примерно тогда Джефф вернулся из Лондона. Он сказал, что работы больше нет, но я слышала от его приятеля, что у него был какой-то конфликт с бригадиром. Джефф хороший работник, он не стал бы лодырничать. Ему было нелегко. Он никогда не сидел на месте, привык зарабатывать много денег. Он сделал мне новую кухню, отремонтировал ванную. Вы не представляете, как здесь все выглядело, когда мы только въехали. Но потом деньги кончились...

Сэл приготовила чай. В чайнике, а не пакетики в кружках, как это обычно делала Джули. Она потянулась к подносу и налила себе еще одну чашку. Не потому, что хотела пить, а чтобы дать себе время на размышления.

– Тяжелое было время. Джефф не привык общаться с детьми. Когда он работал в Лондоне, он приезжал домой на выходные всего раз в месяц. Семейная жизнь была ему тогда в новинку. Он суетился вокруг них, привозил подарки. Мы все старались вести себя как можно лучше. А каждый вечер он уходил в клуб и пил со своими друзьями. Когда же он вернулся насовсем, конечно, так не могло продолжаться постоянно. Вы же знаете, что такое дети. На батареях сушится одежда, по всему полу разбросаны игрушки. Грязные памперсы... иногда он выходил из себя, особенно с Люком. Лора хихикала и подыгрывала ему. Люк был как будто в своем собственном мире. Джефф никогда его не бил. Но он кричал на него, и Люк так пугался, будто его ударили. Я тоже постоянно кричала, но они знали, что я не всерьез. Они все равно сделают все по-своему. С Джеффом все было иначе. Даже мне становилось страшно.

На какое-то мгновение она замолчала, думая о Джеффе и его вспыльчивом характере, о том мраке, который окутал дом после одной из его выходок. Но она не могла долго молчать и снова заговорила:

– В младшей школе у Люка не было проблем. Ему вроде бы даже нравилось туда ходить. Может, он просто привык, потому что его детский сад был в том же здании. В первом классе у него была чудесная учительница, миссис Салливан. Она им была как бабушка, сажала их себе на колени, когда учила читать. Она сказала мне, что у него проблемы – ничего серьезного, по ее словам, – но лучше бы его проверить. Она хотела, чтобы его посмотрел психолог. Но то не было денег, то невозможно было записаться на прием, и мы так и не попали к нему. Джефф сказал, что единственная проблема Люка в том, что он ленивый. А потом он ушел от нас. Сказал, что мы действуем ему на нервы. Тянем его вниз. Но я отлично знала, что у него была интрижка с медсестрой из Госпиталя королевы Виктории. В итоге они стали жить вместе. Сейчас женаты.

Она снова на мгновение остановилась. Не потому, что ей больше нечего было сказать, а потому, что ей нужно было перевести дыхание. Она подумала, что Джефф всегда знал, что с Люком что-то было не так. Это было видно по тому, с каким подозрением он смотрел на него, когда тот играл. Он просто не хотел этого признавать.

Была половина девятого утра. Они все еще сидели у соседей, в гостиной Сэл. Перед домом прошел почтальон, уставившись на полицейского перед дверью. Внизу улицы дети гонялись друг за дружкой по дороге в школу и смеялись.

Толстая женщина-детектив наклонилась вперед, но не чтобы заставить Джули продолжать, но, скорее, чтобы показать, что готова ждать, словно у нее есть все время мира. Джули отхлебнула чай. Она не сказала женщине о том, как Джефф смотрел на Люка. Просто продолжила рассказ уже со следующего года.

– Истерики начались, когда ему было около шести. Они появлялись из ниоткуда, и контролировать его было невозможно. Мама говорила, что это я виновата – избаловала его. Он уже был не в классе миссис Салливан, но во всей школе я могла поговорить только с ней. Она сказала, что это фрустрация. Ему было трудно объясняться, тяжело давалось чтение и письмо, и в какой-то момент все это стало слишком для него. Однажды он толкнул паренька, который его дразнил. Мальчик упал и разбил голову на площадке. Ему вызвали «Скорую». Можете представить, каково было в тот день встречать детей из школы – все мамы тыкали в нас пальцем и шептались. Люку было очень жаль. Он хотел пойти навестить того мальчика в больнице. И, если подумать, это ведь он начал – дразнил его. Эйдан его звали. Эйдан Ноубл. Его мать отреагировала спокойно, а отец заявился к нам в дом и начал кричать. Орал во всю глотку у нас на пороге, чтобы слышала вся улица.

Меня вызвал к себе директор. Его звали мистер Уоррендер. Невысокий толстенький человек, с такими тонкими волосами, что просвечивала лысина. Я недавно встретила его в городе и сначала не узнала – он теперь носит парик. Он был нормальным. Налил мне чаю, все такое. Сказал, что у Люка проблемы с поведением, и они не уверены, что в школе справятся с ним. Я не сдержалась. Начала плакать. Потом сказала ему, что миссис Салливан говорила о фрустрации, сказала, что если бы Люка раньше отправили к специалисту, он, может, и не дошел бы до такого состояния. И мистер Уоррендер, казалось, прислушался, потому что Люка все же кто-то осмотрел. Они провели что-то типа тестов и сказали, что у него трудности с обучением, но он сможет остаться в школе, если ему будут помогать. Так оно и вышло.

Джули снова сделала паузу. Она хотела, чтобы толстая женщина поняла, каково было ее облегчение, когда она узнала, что его истерики и перепады настроения – не ее вина. Что ее мать ошибалась. Люк был особенным, не таким, как все, с самого начала. Что бы она ни сделала, этого факта было не избежать. И, казалось, женщина поняла, насколько это было важно, потому что наконец позволила себе заговорить.

– Значит, вы уже были не одна.

– Вы не представляете, как это было приятно, – ответила Джули.

Женщина кивнула в знак согласия. Но откуда ей было об этом знать, если у нее не было детей? Как это могут понять те, у кого не было ребенка с трудностями в обучении?

– Я смирилась с тем, что о нас болтали, шептались у школьных ворот – о том, что ему оказывают особую помощь. Ведь мы ничего не скрывали. Но большинство людей были очень добры. Нам дали ассистента, который помогал ему на уроках. И Люк справлялся. То есть он никогда не стал бы гением, но он очень старался и делал успехи в чтении и письме, а кое-что ему удавалось даже хорошо. Например, он быстро обучался всему, что было связано с компьютерами. Это были хорошие годы. Лора тоже пошла в школу, и у меня появилось время на себя. Я устроилась на неполный рабочий день в дом престарелых в деревне. Мои друзья не понимали, почему мне так нравится эта работа, но я знала. Думаю, благодаря ей я чувствовала себя полезной. Джефф никогда особо не интересовался детьми, но деньги давал. Конечно, ничего интересного никогда не было, никаких праздников или безумных вылазок, но мы справлялись.

– Но все же было непросто, – сказала детектив.

– Ну, может, и непросто, – призналась Джули. – Но мы справлялись. Когда Люк перешел в старшие классы, снова начались проблемы. Другие дети видели, что он слишком доверчивый, и пользовались этим. Подначивали его хулиганить. И всегда попадался именно он. У него начала складываться плохая репутация. Вы наверняка понимаете, как это происходит. Наверняка видите такое постоянно. Однажды его поймали на воровстве со стройки. Пластиковые водосточные трубы. Приехала полиция. Зачем они ему понадобились? Кто-то предложил ему за них пару фунтов. Но дело было не в этом. Он хотел нравиться людям. Всю свою жизнь он чувствовал себя исключенным. Он хотел найти друзей.

«Это ведь можно понять, да?» – подумала Джули. Она не знала, как справилась бы без своих друзей. Как только возникали проблемы с Джеффом, она звонила им. Делилась своими переживаниями за Люка, когда он болел. И они тут же приезжали с бутылкой вина. Конечно, они любили посплетничать, но и поддерживали ее.

– У него был один особенный друг, – продолжила она. – Парень по имени Томас. Они познакомились, когда Люк пошел в среднюю школу. Он был немного быдловатый. У него вечно были проблемы с полицией, но если с ним пообщаться, становилось понятно, в чем дело. Его отец просидел в тюрьме почти все его детство, а мать, похоже, не особенно с ним носилась.

Я бы никогда не выбрала Люку такого друга, как Томас, но он был неплохой парень, правда. И, казалось, ему нравилось проводить время у нас. В итоге он чуть ли не поселился здесь. Проблем от него не было. Они сидели в комнате Люка, смотрели фильмы или играли на компьютере, а пока они были тут, они не воровали, так? И не употребляли героин, как многие их приятели. И они очень хорошо ладили друг с другом. Иногда я слышала, как они смеются над какой-нибудь дурацкой шуткой, и просто радовалась, что у Люка есть друг.

А потом Томас погиб. Утонул. Они с какими-то ребятами дурачились на набережной в Норт-Шилдсе. Он упал в реку, а плавать не умел. Люк тоже там был. Он прыгнул в воду, пытался спасти Томаса, но было слишком поздно.

Джули замолчала. По улице проехал трактор с прицепом, груженным какими-то мешками.

– Люк не хотел об этом говорить. Он сидел взаперти в своей комнате часами. Я думала, ему просто нужно время, ну, знаете, чтобы это пережить. Чтобы погоревать. Он перестал ходить в школу, но ему уже было пятнадцать, а экзамены он сдавать не собирался, так что я решила оставить его в покое. Я поговорила с женщиной, которая руководит домом престарелых, и она сказала, что, возможно, найдет ему какую-нибудь подработку на кухне, когда ему исполнится шестнадцать. Он пару раз приходил со мной на работу, и старики его очень полюбили. Наверное, я должна была понять, что ему нужна помощь. То, как он вел себя, было ненормально. Но ведь Люк никогда не был нормальным. Так что как это можно было понять?

Но он перестал мыться и есть, не спал по ночам. Иногда я слышала его голос, словно он говорил с кем-то воображаемым. И тогда я обратилась к врачу. Его увезли в Сент-Джордж. Ну, знаете, больница для душевнобольных. Они сказали, что он в глубокой депрессии. Посттравматический стресс. Мне было больно навещать его там, но то, что его не было дома, было облегчением. Мне было стыдно от таких мыслей, но это было правдой.

– Когда он вернулся домой? – спросила женщина. Первый ее вопрос.

– Три недели назад. Казалось, ему стало лучше. По-настоящему лучше. Конечно, он все еще грустил из-за Томаса. Иногда плакал, когда думал о нем. И он все еще ходил на приемы к врачу в поликлинику. Но он не был ненормальным, не сходил с ума. Это был мой первый за много месяцев вечер вне дома. Мне это было действительно нужно, но я бы не пошла, если бы не считала, что он в порядке. Я никогда бы не подумала, что он может сделать с собой нечто подобное.

Женщина наклонилась вперед и взяла Джули за руку, накрыла ее своей огромной лапой.

– Это не ваша вина, – сказала она. – Люк не покончил с собой.

Она посмотрела на Джули, желая убедиться, что она ее слышит, что она действительно понимает.

– Он был мертв до того, как его положили в ванну. Его убили.

Глава четвертая

Они сидели за столом на кухне и завтракали. Солнце уже вовсю светило, отражаясь от желтой глиняной посуды в буфете, отбрасывая блики на потолок. Питер намазывал масло на тост и жаловался, что его отчет, который он отправил в Британский комитет по учету редких птиц, отклонили. Фелисити сочувствовала, но слушала вполуха. Это она умела. В молодости Питер был убежден, что создан для великих свершений. О нем говорили, что он лучший молодой ученый его поколения. Теперь, на пороге пенсии, он был вынужден осознать, что элита естественно-научных кругов не оценила его способности. Его разочарование выразилось в поведении, которое Фелисити считала грубым и отвратительным, – он отпускал язвительные комментарии о других сотрудниках кафедры, об их недостаточно тщательной работе и презирал других орнитологов за то, что они якобы гонятся за редкими экземплярами вместо того, чтобы ценить важность местных видов. Фелисити понимала, в чем причина всего этого. Она всем сердцем желала, чтобы его талант признали. Как было бы здорово, если бы он нашел какую-нибудь невероятно редкую птицу неподалеку от дома. Или получил бы повышение в университете. Но его жалобы ее раздражали. Порой она спрашивала себя, действительно ли он был таким великим человеком, каким она его считала, когда выходила за него замуж. Потом она смотрела на него, видела тревогу и грусть в его лице и чувствовала себя предателем. Она ласково гладила его пальцем по лицу или вдруг целовала, прерывая его на середине фразы, отчего он удивлялся и расплывался в улыбке, которая делала его лет на двадцать моложе.

– Во сколько все приедут? – спросил он, прервав ее размышления. Он казался взволнованным. Уныния как не бывало. Она подумала, что друзья приносят ему больше радости, чем она. Ей больше не удавалось производить на него такое впечатление.

Фелисити думала о Лили Марш, студентке-практикантке, о том, примет ли она предложение Фелисити остановиться у них. Она вдруг поняла, что они не обсудили оплату. Возможно, Лили из-за этого и сбежала. Возможно, увидев коттедж, такой живописный, хоть и простенький, она решила, что аренда будет ей не по карману. В конце концов, она же просто студентка. Может, стоит передать с Джеймсом записку с парой дружелюбных, но конкретных строк, указав сумму, которая не отпугнула бы девушку. Пока Питер говорил, она сочиняла письмо в уме.

Она вернулась мыслями к насущным делам. День рождения Питера. Своеобразный ритуал. Каждый год они приглашали на ужин троих одних и тех же друзей. «Я сказала им, что ужин будет в восемь, а перед этим – пройдемся до маяка». Прогулка к маяку тоже была традицией.

Она услышала, как по переулку проехала машина почтальона, а потом – как конверты упали на пол в прихожей. Она оставила Питера с его тостом и пошла их забрать. Все письма были для него. На трех открытках она узнала почерк детей. Она положила письма перед ним на стол. Питер сложил их в портфель, не открывая. Он всегда так делал, всегда уносил их на работу и открывал там. Как-то раз она подумала, не скрывает ли он что-нибудь. Вообразила другую жену, семью, которую он держал в тайне. Но это просто была привычка. Он делал так не задумываясь.

Он закрыл портфель и встал. Началась суматоха. Питер обещал подвезти Джеймса до остановки школьного автобуса, а потому стоял теперь внизу лестницы и кричал, чтобы тот поторопился. Надо было собрать вещи, и упакованный с собой ланч чуть было не остался дома. Фелисити поняла, что так и не написала записку для Лили Марш. Когда Джеймс уже бежал к машине, она чуть не крикнула ему – *скажи мисс Марш позвонить мне насчет коттеджа*. Но Питер захотел бы узнать, о чем речь, а она не могла задерживать его сейчас. Кроме того, он мог и не одобрить эту идею. Ей нужно подготовиться, чтобы убедить его, когда будет поспокойнее.

И Фелисити выкинула Лили Марш из головы. Наконец машина отъехала, и в доме воцарилась долгожданная тишина.

Она налила себе еще кофе и составила список покупок в фермерском магазине. Она заранее спланировала, что они будут есть в выходные. Конечно, будет торт, он уже готов и покрыт глазурью. Жаль, что остальные трое детей живут слишком далеко и не смогут его попробовать. К сегодняшнему ужину она приготовила тушеную говядину с оливками и красным вином. Блюдо уже стояло в кладовке, оставалось только разогреть. Но теперь она передумала. Слишком жарко для говядины. Если у Нила на ферме есть пара цыплят, она сделает это испанское блюдо с ломтиками лимона, розмарином и чесноком. Оно более легкое, ароматное, настоящая средиземноморская кухня. Сэмюэлу понравится. Можно было бы накрыть длинный стол на веранде, а на гарнир подать обычный рис и зеленый салат, и представить, что они смотрят на апельсиновые деревья и оливковые рощи.

Иногда, болтая с другими мамами, которые забегали к ней привести своих сыновей в гости или забрать ее детей к себе, она задумывалась, не упускает ли она чего-нибудь из-за того, что не работает. Они казались изумленными, когда узнавали, что она целыми днями дома. Но чем она могла бы заняться? До женитьбы в ее жизни почти ничего не было. У нее не было образования, мало практических навыков. Кроме того, она нужна Питеру здесь, спокойная и отдохнувшая, чтобы позаботиться о нем, когда он возвращается с работы, полный разочарования. И уж конечно, ему не нужно, чтобы она составляла ему конкуренцию. Только представить себе, чтобы она стала успешным адвокатом или деловой женщиной, чтобы начала сама получать награды за свои успехи! Эта мысль заставила ее улыбнуться.

В фермерском магазине было прохладно, дверь во двор оставили открытой, впуская запах коров и травы. Она была первым посетителем. Нил еще выкладывал продукты в холодильник. Огромная деревянная доска, топор, длинные заостренные ножи еще ничем не запачканы. Он взвесил цыплят и уложил их ей в сумку.

– Выращены не на свободном выгуле.

Он знал, что Фелисити это будет интересно.

– Но в клетях, а не в тесных клетках. Вы почувствуете разницу.

– Свинина на прошлой неделе была просто замечательная.

– Ах, все дело в том, как приготовить, миссис Калверт, – сказал он. – И в том, как вырастить. Я всего лишь разделяю.

Еще один ритуал. Как Питер каждый день уносит свои письма на работу и приглашает на день рождения одних и тех же людей, так и этот обмен любезностями происходит между ними каждую неделю. Он донес ящик с овощами до машины и подмигнул, положив ей в сумку две связки сосисок в подарок.

– Слышал, будет особенный ужин в честь дня рождения доктора Калверта.

Она поразилась как всегда, откуда мясник знает все о ее делах.

Открывая дверь, она услышала, как звонит телефон, и вбежала в дом, оставив все на дорожке. Звонил Сэмюэл Парр.

– Я подумал, может, мне что-нибудь привезти сегодня? Что-нибудь к чаю?

– Нет, – ответила она. – Ничего не нужно.

Она улыбалась. Сэмюэл всегда поднимал ей настроение. Он тоже всегда присутствовал фоном в ее мыслях.

Потом, когда цыплята уже были на плите и дом наполнился чудесным запахом лимона, оливкового масла и чеснока, телефон зазвонил снова. Фелисити сидела на улице с газетой и кофе, наслаждаясь последним часом тишины, прежде чем поехать в Хепворт. У Джеймса был шахматный кружок после уроков, и она договорилась, что заберет его. Дымка жары окутывала поля, протянувшиеся до самого моря, и маяк вдали словно блеснул и казался бестелесным.

Услышав телефон, она поспешила в дом. Босиком. Каменные плиты террасы так накалились, что чуть не обжигали ей ноги, а кафель на кухне был прохладный. Ощущение от контраста температур на коже взволновало ее, дыхание вдруг сбилось.

Она была уверена, что звонит кто-то из детей, но, когда сняла трубку, никто не ответил. Она набрала номер телекомпании, но ей сказали, что звонивший скрыл свой номер. За последнее время такое случалось уже несколько раз. Она подумала, стоит ли сообщать Питеру. В округе недавно произошла пара краж. Возможно, звонившие так проверяли, дома ли хозяева. Но она знала, что Питеру не расскажет. Задача всей ее жизни состояла в том, чтобы оберегать его от расстройств и волнений.

Она допила кофе, глядя в сторону моря. Нужно принять ванну и расслабиться перед приходом гостей, подумала она. С тем дорогим маслом, которое она купила в «Фенвике» во время последней поездки в город.

Глава пятая

– Не хотите прогуляться? – спросила толстая женщина-детектив. Она встала, и Джули подумала, какие же у нее, должно быть, сильные ноги, чтобы так легко поднять подобный вес. Со стороны казалось, что для этого понадобится подъемный кран, один из таких, что возвышаются за рекой в Уоллсенде. Джули подумала, что детектив – сильная женщина, и не только телом. Если она что-то решит, то ничто ее не остановит. Эта мысль показалась ей несколько успокаивающей.

– Я подумала, вам захочется подышать свежим воздухом, – сказала женщина.

Наверное, Джули посмотрела на нее с недоумением, как Люк иногда смотрел, когда не мог понять, о чем ему говорили.

– Скоро придут за телом Люка, – мягко сказала детектив. Ее звали Вера. Она представилась, когда только пришла, но Джули не вспоминала об этом до сих пор. – Соседи, без сомнения, будут пялиться. Я подумала, вы захотите быть подальше отсюда. Или вы можете проводить его. Решать вам.

Джули вспомнила лежащее под водой тело и почувствовала тошноту. Она не хотела об этом думать.

– Куда пойдём?

– Куда хотите. Хорошая погода для прогулки на пляже. Можете взять Лору.

– Люку нравился пляж, – сказала Джули. – В одно лето он ходил рыбачить. Папа дал ему старую удочку. Правда, ему никогда не удавалось ничего поймать. Зато он держался подальше от глупостей.

– Значит, туда.

Лора спала в комнате для гостей. Детектив поднялась вместе с Джули, чтобы спросить девочку, хочет ли она пойти с ними. Джули подумала, что Вера любопытна. Она уже встречала таких людей. Людей, которые обожают соваться в чужие дела. Возможно, это и нужно, чтобы быть хорошим детективом. А теперь, подумала Джули, она захочет узнать про Лору. Если они пойдут гулять вместе, она заставит Лору рассказать о себе. Она решила, что девочкой не занимались, что Джули все время посвящала Люку.

Лора еще спала.

– Я не хочу ее будить, – быстро сказала Джули. – Пусть лучше останется здесь, с Сэл.

– Как скажете, милая.

Голос Веры звучал успокаивающе, легко, но Джули чувствовала, что она разочарована.

Она не заметила, чтобы кто-то на них пялился, пока они шли от дома Сэл к машине Веры, но прекрасно знала, что смотрят все. Если бы такая драма произошла с кем-то еще, Джули тоже сидела бы сейчас в своей комнате, прижавшись к окну. Любая драма, в которой она сама не играет центральную роль.

Машина Веры была припаркована за дюнами в Дипдене. По одну сторону дороги был небольшой заповедник. Лесок и охотничья засада над заводью, пара дорожек с деревянным настилом. Вдали виднелась хижина, где останавливались орнитологи. Сад так разросся, что домика почти не было видно. Вдоль стороны, обращенной к морю, тянулась полоска травы, усеянная мелкими желтыми цветочками, а за ней – гряда дюн. Пару раз они привозили сюда детей, когда Джефф был настроен поиграть в счастливое семейство, и им здесь нравилось. У Джули перед глазами стояла картина: Люк, ему лет восемь, застыл в прыжке, соскочив с одного из песчаных холмов. Может, была такая фотография, и это ее она запомнила. Она отчетливо видела потертые джинсовые шорты, красную футболку и рот Люка, широко открытый от страха и восторга.

Хотя день был солнечный, на парковке было мало машин. Утро пятницы, дети в школе, только пенсионеры с собаками могли насладиться погодой. Джули вдруг осенило.

– Я ведь должна быть на работе. В доме престарелых. Мэри будет меня ждать.

– Сэл первым делом позвонила ей. Мэри вызвала кого-то подменить вас. Просила передать, что любит и соболезнует.

Джули резко затормозила, взбив сухой песок. Мэри Ли, владелица дома престарелых, была не из сентиментальных. Не в ее привычках было говорить о любви.

– Вы рассказали маме и папе?

– Вчера вечером, как только приехала. Они хотели заехать, но вы сказали, что предпочитаете побыть какое-то время одна.

– Правда?

Джули пыталась вспомнить, но прошлая ночь была как в тумане. Как тогда, когда они пошли на девичник Бев и она попала в реанимацию с алкогольным отравлением. То же чувство нереальности, рваные образы, вспышки и тени, словно в ночном кошмаре.

Она двинулась дальше. Они дошли до самой высокой точки дюн и заскользили по песку вниз, к пляжу. Джули сняла кроссовки, связала их за шнурки и перекинула через плечо. На Вере были сандалии, и она не стала их снимать. Перед выходом из машины она нацепила огромную широкополую шляпу и темные очки.

– Солнце не идет мне на пользу, – сказала она. Она выглядела немного чокнутой. Если бы Джули наткнулась на нее в Сент-Джордже, когда навещала Люка, решила бы, что Вера – одна из пациентов. Без сомнений.

Они были у южного края длинной изогнутой полосы пляжа длиной около четырех миль. Северный его край переходил в узкий мыс, где стоял маяк, едва видневшийся в дымке.

– Наверняка жить с Люком было непросто, – сказала Вера.

Джули снова остановилась. Дул соленый ветер, какой бывает только на море. Справа вдали виднелись три крошечные фигурки: два старика и пес, носившийся за мячиком. Солнце светило так ярко, что видны были лишь их силуэты.

– Вы думаете, это я его убила? – спросила она.

– А это так?

Из-за шляпы и очков было невозможно понять, что думает детектив.

– Нет.

И тут слова, все те слова, что лились из нее с тех пор, как она нашла тело, испарились. Она не могла объяснить, что ни за что, ни за что на свете она бы не причинила зла Люку, что последние пятнадцать лет она занималась только тем, что защищала его от этого мира. Она открыла рот, но будто поперхнулась сухим песком.

– Нет, – повторила она.

– Конечно, вы не убивали, – сказала Вера. – Если бы был хоть один шанс, что это вы, я бы беседовала с вами в участке, с диктофоном и при вашем адвокате. Иначе суд не принял бы ваши слова в качестве доказательства. Но я должна была спросить. Ведь вы могли его убить. Он умер незадолго до того, как вы вернулись домой. Физически это было возможно. И обычно убийца – член семьи.

Она замолчала и снова повторила:

– Я должна была спросить.

– Значит, вы мне верите?

– Я же сказала, что да. Вы действительно могли бы его убить. Если бы он так вас достал, что вы больше не могли с этим справиться. Но тогда вы сказали бы нам. Кроме того, вы действительно верили, что это самоубийство. Когда я приехала, вы думали, что он покончил с собой, и винули себя.

Они шли по плотному мокрому песку, оставленному отливом. Джули закатала джинсы на пару оборотов и шла босиком по воде. Детектив не могла пойти за ней, не намочив сандалии. Джули смотрела на море, чтобы Вера не видела, как она плачет.

– Кто-то его убил, – сказала Вера. Джули едва ее слышала. Море было спокойным, только тихо шуршал отлив.

– Кто-то его задушил, а потом снял всю одежду. Наполнил ванну, положил его внутрь и разложил по воде цветы.

Джули не знала, нужно ли на это что-то отвечать, и промолчала.

– Эти цветы из вашего дома? – спросила Вера.

Джули повернулась к ней:

– У меня дома никогда не бывает цветов. У Лоры на них аллергия. Слезы текут ручьем.

– А что насчет сада?

– Вы шутите? У нас в саду ничего не растет. Папа приходит и стрижет нам траву, но мы ничего не сажаем. Там места – для одной бельевой веревки.

– Значит, убийца принес цветы с собой. Пока мы говорим о нем в мужском роде, просто для удобства. Большинство убийц – мужчины. Но все же не будем забывать, что это могла быть и женщина. Так зачем ему приносить цветы? Вам это о чем-нибудь говорит?

Джули покачала головой, но что-то всколыхнулось в ее мозгу, какое-то воспоминание.

– Цветы приносили на место гибели Томаса. Бросали их в воду. Люди из того района, где жила его мать. Даже те, кто его не знал или знал, но не любил. Просто чтобы сказать, что им жаль. Что они понимают, какая это утрата. Лишиться жизни из-за того, что пара ребят бесилась рядом. Люк тоже ходил. Я купила для него нарциссы.

– Цветы в знак памяти и горя, – сказала Вера. – Универсальный жест.

Джули не поняла, что она имеет в виду.

– Вы хотите сказать, что тот, кто убил Люка, сожалел об этом?

– Возможно.

– Но если вы сожалеете – причем заранее, раз принесли цветы, – зачем убивать? Никто ведь не заставлял его вламываться в мой дом и убивать моего сына.

– Никто и не вламывался, – сказала Вера.

– Что?

– Признаков взлома нет. Никаких разбитых окон, ничего такого. Похоже, Люк его впустил. Или Лора.

– Наверняка Люк, – грустно сказала Джули. – Его любой мог уболтать. Давал деньги каждому попрошайке на улице, если только они у него были. Кто угодно мог прийти в дом и начать заговаривать ему зубы, и он бы его впустил. Лора более здравомыслящая.

– Лора и Люк ладили друг с другом?

– Что вы хотите сказать?

Она разозлилась даже сильнее, чем когда подумала, что детектив обвиняет в убийстве ее саму.

– Лора ребенок, ей всего четырнадцать.

– Есть вопросы, которые мне необходимо задать, – сказала Вера. – Вы ведь не глупая. Вы это понимаете.

На мгновение она замолчала.

– Вы же понимаете, что мне придется с ней поговорить. Пока что она не в состоянии, но когда будет готова. Будет лучше, если я узнаю, какие у них были отношения, до того, как начну ее расспрашивать. Например, возможно ли, что Люк посвящал ее в свои дела? Если что-то его беспокоило, она бы знала об этом?

– Они не были настолько близки, – сказала Джули. – Ей было нелегко иметь такого брата. Ведь все внимание доставалось ему. Я старалась, чтобы она тоже чувствовала себя особенной,

но беспокоилась я всегда именно за него. Наверное, ей было некомфортно, когда она пошла в среднюю школу. Все знали, что он впутался в неприятности. Все его дразнили. Но это не значит, что она желала ему зла.

– Нет, – ответила Вера. – Конечно нет.

Два подростка сбежали с дюн к пляжу. Явно какие-то оторвы. Пинают песок, матерятся. Они были примерно одного возраста с Люком, наверняка прогуливали школу. Джули крепко сжала губы, чтобы не разрыдаться.

– На каком такси вы вернулись вчера вечером из города?

Неожиданный вопрос. Джули знала, что Вера пытается ее отвлечь, и была благодарна ей за это.

– «Фоксхантерс», из Уитли-Бей. Мы забронировали заранее. Водитель сначала высадил Лизу и Джен. Я была последней.

Она помолчала.

– Он подтвердит мой рассказ. Я провела в доме всего несколько минут и сразу побежала колотить в дверь Сэл. Если он доехал до конца дороги, чтобы развернуться, он, возможно, даже видел меня на пороге.

– Меня больше интересует, не видел ли он кого-нибудь еще. Вы сами никого не видели?

Джули покачала головой.

– Не торопитесь, – сказала Вера. – Могло быть что-то. Попробуйте прокрутить этот эпизод, как кинолентку. Проговорите его вслух. Начиная с момента, когда такси затормозило.

Там, на широком пустом пляже, где над головой кричали чайки, а ноги лизала вода, Джули закрыла глаза и почувствовала головокружение, которое ощутила сразу же, как вышла из такси.

– Я была пьяна, – сказала она. – Не мертвецки пьяна, но прилично. Все вокруг кружилось. Знаете это чувство?

Она была уверена, что Вера тоже напивалась в свое время. С ней наверняка приятно было напиваться.

– Я знаю.

Она дала Джули минуту подумать.

– Вы слышали что-нибудь необычное?

– Вообще ничего. Я заметила, как было тихо. Обычно по главной дороге через деревню ездят машины. Постоянно, так что уже не замечаешь шум. Вчера его не было. По крайней мере, когда я открывала дверь.

Она нахмурилась:

– А потом? Когда дверь открылась?

– На улице завели машину.

– Может быть, это разворачивалось ваше такси?

– Нет. Включилось зажигание, заревел двигатель. Машина издает другие звуки, когда уже заведена, да?

– Совсем другие, – сказала Вера.

– Наверно, машина была припаркована внизу улицы, недалеко от перекрестка с шоссе, ведущим в город. Звук был оттуда.

– Значит, вы должны были проехать мимо нее на такси по дороге к дому?

– Должна была.

– Неужели вы бы ее не заметили? Чужую машину, не принадлежащую кому-то из соседей?

Ее голос звучал так заученно и обыденно, что Джули поняла, что это важно.

– Нет, – ответила она. – Я бы не заметила.

Но она снова закрыла глаза и сосредоточилась. Они проехали по горбтому мосту, и она наклонилась к водителю сказать, чтобы он сбавил скорость, потому что они почти приехали. *Прямо за углом будет очень неудобный поворот направо.* И одновременно начала вытаскивать кошелек из сумки, чтобы избежать неловкой возни в поисках оплаты в последний момент. Лиза и Джен дали ей больше, чем с них причиталось за поездку, так что она знала, что у нее есть наличные. Навстречу никто не выезжал, и водитель повернул на ее улицу не останавливаясь. И там была машина. Почти на углу. Припаркованная рядом с домиком, где жил мистер Грей. Она тогда еще удивилась, ведь мистер Грей не садился за руль с тех пор, как у него диагностировали болезнь Паркинсона, и все знали, что его единственный сын живет в Австралии. Она вспомнила, потому что решила тогда, что это может быть машина врача, вдруг что-то случилось. И она посмотрела, не горит ли где свет, думая о сплетнях, которыми могла бы поделиться с Сэл. Но в доме было темно. И в любом случае это была маленькая машина. Не из тех, которые водят врачи.

Она рассказала все это Вере.

– Не знаю, что это было. Ты не замечаешь, когда не за рулем...

– Ничего, милая. Теперь нам есть над чем работать. Кто-то из соседей мог тоже ее видеть. Мерзкие подростки швыряли друг в друга футбольный мяч, с силой ударяя им по мокрому песку, так что вся их одежда была в грязи. «Матери их убьют», – подумала Джули.

– Домой, – сказала Вера. – Вы готовы?

Джули чуть было не сказала, что ей совсем не хочется домой.

– Лора, наверное, проснулась. Вы ей нужны.

И Вера зашагала к песчаным холмам, не оставляя Джули других вариантов, кроме как последовать за ней.

Когда она вернулась на свою улицу, ей показалось, что она видит ее впервые. Какая-то ее часть все еще оставалась на пляже, среди криков чаек и всего этого. Сложно было думать об этом месте как о своем доме. Тупик, упирающийся в фермерские земли. Раньше там был шлаковый отвал, а теперь до самого побережья тянулись поля. По одну сторону улицы шли одноэтажные домики для стариков, перед каждым из них был пандус с перилами. По другую сторону – многоквартирные дома, когда-то принадлежавшие муниципалитету, а теперь – частным владельцам. Джули подумала: «Случилось ли бы все это, если бы мы жили в другом месте?»

Вера попросила ее указать точное место, где она видела машину прошлой ночью. Она старалась изо всех сил, но не могла сосредоточиться. Постоянно думала о том, что могла бы сделать, чтобы избежать потери сына. Могла бы переехать, или не ходить в бар с подругами, или отправить Люка в специальную школу-интернат, где бы за ним как следует присматривали.

Вера осторожно остановилась прямо перед домом. На пороге все еще стоял полицейский, но Джули знала, что Люка там уже нет.

Глава шестая

Когда Вера приехала домой тем вечером, над ее домом кружил канюк. Он парил, расправив округлые крылья под углом, от них отражались последние лучи солнца, и оперение сияло, словно отполированное дерево тотема. Канюки только начали возвращаться в эту часть Нортумберленда. Они распространены на западе страны, а здесь лесники из заповедников отстреливали их, топтали яйца, подкидывали отравленную приманку. Вера знала, что по соседству живет один такой кровожадный лесник. «Пусть только попробует, – подумала она. – Пусть только попробует».

Дома было душно и не прибрано. Ее не было здесь целые сутки. Она открыла окна, собрала с пола спальни грязную одежду и затолкала ее в стиральную машинку в пристройке. Интересно, есть ли в морозилке что-нибудь поесть. После смерти ее отца Вера жила одна и знала, что так теперь будет всегда. Нет смысла гадать, смогла ли бы она жить в отношениях. Как-то был один человек, о котором она мечтала по ночам, но ничего не вышло. Жалеть об этом было уже слишком поздно. Впрочем, именно этим она и занималась порой по ночам, со стаканом виски в руке.

Она вытащила из холодильника пиво, откупорила бутылку открывалкой и отпила прямо из горла. Даже когда она не заморачивалась покупкой еды, в старом домике станционного смотрителя всегда была выпивка. Она пила слишком много. По крайней мере, слишком часто. «Всего лишь пристрастие, – говорила она себе. – Не зависимость». Она взяла пиво с собой в пристройку и принялась обыскивать морозильный ларь. Ее отец хранил в нем животных и птиц для таксидермии, а она использовала его как маленькую морозильную камеру. На дне она обнаружила пластиковый контейнер с тушеной олениной. Оленину принес ей тот же лесник, который ненавидел хищных птиц, но она без колебаний приняла подарок. Здесь, на холмах, приходилось притворяться, что любишь соседей. Никогда не знаешь, в какой момент понадобится буксир, чтобы выехать из канавы в снежный день. Весь сырой воскресный день она возилась с этой олениной, готовила ее с овощами для сочности, лавровым листом из сада и красным вином. Она думала, что все уже съедено, и, обнаружив сейчас еще порцию, испытала короткое мгновение радости, простого счастья, какое редко ощущаешь во взрослом возрасте.

Все время, что она топала по дому, дело Армстронга не выходило у нее из головы. Она, словно актер, пыталась прочувствовать персонажей, вжиться в них. Она уже чувствовала Люка Армстронга. Разговор с Джули будто воскресил его, да и, кроме того, она уже встречала таких ребят. Чаще всего она натыкалась на них в камерах в участке или в колониях для несовершеннолетних. Система с ними не справилась, как не справилась бы и с Люком, если бы у него не было такой матери, как Джули, которая за него боролась. Люк был мальчиком, которому приходилось прикладывать много усилий. Ему все давалось тяжело: школа, взаимоотношения, скучные повседневные дела. Наверняка он видел мир сквозь туман непонимания, даже не соображая толком, что происходит. Таким мальчиком легко манипулировать. Пара добрых слов, обещание простой награды, и он бы уже приветствовал незнакомца, как спасителя. Вера поняла бы, если бы он погиб в потасовке в баре. Она могла себе представить, как он заводится все больше и больше и нападает с отчаянием ребенка. Или даже в уличной перестрелке. Он бы подставился, сам того не желая, и такая смерть стала бы нелепой ошибкой или посланием для других.

Но в этом убийстве не было вообще никакого смысла. То, с какой заботой Люк был уложен в ванну с ароматическими маслами и цветами, все это говорило чуть ли не об уважении. Это заставило Веру, которая обладала большим воображением, чем могло показаться по ее внешнему виду, задуматься о жертвоприношении. Красивый ребенок. Благоговейный ритуал. И наверняка в этом была аллюзия к литературе. Школьный английский был давным-давно, но

этот образ казался слишком явным. Самоубийство Офелии. Сколько подзаборных друзей и приятелей Люка читали «Гамлета»?

Какой была Лора, она пока не знала. Мать говорила, что она смышленная и непослушная. Неужели девочка спала все это время? Удушье, наполнение ванны. Знал ли вообще убийца о том, что она была в доме?

Вера пыталась представить себе, как это могло произойти. Кто-то стоит на пороге с охапкой цветов. Люк впустил его? Он знал его? И что потом? Криминалисты пока не были готовы сообщить, где произошло убийство. Внизу на лестнице? В таком случае Люка отнесли бы в ванную на руках. Вера не могла себе этого представить. Что-то не складывалось. Так что, возможно, убийца попросил Люка позволить ему воспользоваться ванной, и Люк проводил его наверх. Тогда убийство должно было произойти в соседней с Лорой комнате. Вера поежилась, представив, как девочка спит, в то время как рядом с ней умирает брат.

Она ела с подноса, сидя у открытого окна. Ее ближайшими соседями были стареющие хиппи, искавшие лучшей жизни. У них было небольшое хозяйство, пара коз, дойная корова, полдюжины кур. Они не использовали пестициды, презирали сельскохозяйственный бизнес, и их сенокос зарос сорняком. Вера чувствовала запах сена. Стайка коноплянок объедала колосья. Вера открыла бутылку мерло и выпила пару бокалов. Она была счастливее, чем когда-либо за последние несколько месяцев.

В последнее время работа была однообразной, скучной. А это дело было другим, сложным, оно могло занять ее мысли по вечерам, когда она сидела дома одна, – лучше, чем унылая пьеса на «Радио 4». «Боже, – подумала она. – Я просто унылая старая кошелка». Она почувствовала некоторую вину за то, что смерть симпатичного паренька доставила ей столько удовольствия. Ей нравилась Джули, ей казалось, что она сделала для мальчика все возможное. Но она не могла не смаковать это дело и необычные детали места преступления. В ее жизни было мало других удовольствий. Она просидела у открытого окна, пока не стемнело, а бутылка вина почти не опустела.

На следующий день она собрала свою команду и говорила о Люке, как если бы его знала.

– Вы с такими встречались. Немного тормознутый. Говоришь с ним и не знаешь, понимает он или нет. А повторишь ему и все равно не разберешь, помогло ли. Но неплохой мальчик. Мягкосердечный. Щедрый. Хорошо относится к старикам в доме престарелых, где работает его мать. На грани того, чтобы влипнуть в неприятности. Недостаточно смышленный, чтобы ввязываться в них самому, но и недостаточно смышленный, чтобы держаться в стороне, когда его втягивают друзья. И все по мелочи...

Люк был свидетелем того, как утонул его друг. Все подробности есть у Джо, он передаст вам. Конечно, это может быть совпадением, но это наша лучшая зацепка на данный момент.

Она сделала паузу.

– Наша единственная зацепка.

Джо Эшворт, как прилежный ученик, тут же пошел раздавать листы А4. Вера вдруг подумала, не обращается ли она с ним как учитель с любимчиком. Не обижается ли он? Проблема в том, что он один из немногих членов команды, которым она может полностью довериться, зная, что он сделает все правильно. Возможно, это больше говорило о ней, чем о нем.

Она продолжила:

– Мальчика, который утонул в результате потасовки на набережной в Норт-Шилдсе, звали Томас Шарп. Из тех самых Шарпов. Печально известное семейство, все мы слышали о них. Его отец, Дейви Шарп, в настоящее время отбывает трехлетний срок в Эклингтонской тюрьме. Расследования не было – все сошлось на том, что это было баловство, вышедшее из-под контроля. Конечно, возможно, что все это не имеет сейчас никакого значения, но поспра-

шивайте. Был ли Люк знаком с людьми, о которых его мать ничего не знала? Может, кто-то пытается оставить таким образом какое-то мрачное послание?

Она снова замолчала. Ей нравилось говорить на публику, но она предпочитала, чтобы слушатели как-то реагировали. Все молчали.

– Ну? – спросила она. – Кто-нибудь что-нибудь слышал?

Они закачали головами. Все казались какими-то оцепенелыми, перекормленными, перегретыми. В комнате было душно, но ее все равно удивляло их отсутствие воодушевления. Разве не за этим они пришли в полицию? Ей не приходило в голову, что большинство из них до смерти ее боялись, что даже те, кто громче всех кричал в полицейской столовой, при ней помалкивали из страха, что она посчитает их мнение глупым.

– Место преступления, – сказала она. – Все вы слышали, что оно слегка необычно. Мальчика задушили, а затем положили в ванну с водой. Рассыпали над телом цветы. К счастью, Джули не слила воду из ванны, когда увидела Люка. Криминалисты часами ее вычерпывали, чтобы сохранить. Может, что-нибудь найдут. Они исследуют масло для ванны. Если нам повезет, найдется волос убийцы. Но рассчитывать на это нельзя. Нужно выяснить, откуда эти цветы. Их нарвали в полях и садах деревни или убийца их купил? Нужно точно опознать их, пусть кто-нибудь обойдет всех местных флористов. Мне показалось, что это не такие цветы, из которых составляют стандартные букеты. Я бы сказала, в основном это полевые цветы. Тогда где их собрали? Есть тут какой-нибудь местный ботаник, который может помочь? Джо, можешь узнать в университете?

Она не стала дожидаться его ответа.

– Самый главный вопрос – зачем. К чему такой жест? Ведь это риск, ненужная возня. Как будто убийца хотел привлечь внимание к себе, устроить спектакль. Джули в тот вечер была в Ньюкасле, но никто точно не знал, во сколько она вернется. Она, должно быть, чуть не застала убийцу на месте преступления. Лора, его сестра, все это время была дома. Спала крепким сном. Мать говорит, ее и бомбежкой не разбудишь. Имеет ли это какое-либо значение?

Кто-то несмело поднял руку. Вере нравилось, когда слушатели задают вопросы, но иногда она бывала так же жестока с теми, кто ее перебивает, как артисты стендапа – с чрезмерно активными зрителями. В этот раз она смилостивилась.

– Да?

– Значит ли это, что убийца знал семью? Знал, что Лора крепко спит, а Джули не будет этим вечером? Она ведь нечасто куда-то уходит, так?

Вера одобрительно кивнула:

– Возможно. Или он какое-то время наблюдал за домом и ждал удобного случая.

Еще одна рука.

– Да.

– Это могла быть сестра? Ссора, вышедшая из-под контроля?

Вера на минуту задумалась.

– Могу представить себе их ссору, – сказала она. – С таким-то мальчиком. Наверняка иметь такого брата – просто кошмар, особенно в ее возрасте. В этом возрасте хочется быть как все, не так ли? И совсем не хочется иметь в семье полоумного. Утопить его она тоже могла. Если он был в ванне, не потребовалось бы много сил, чтобы удержать его под водой. Но его сначала задушили, а потом положили в воду. Не могу себе представить, чтобы это сделала четырнадцатилетняя девочка. Я перекинулась с ней парой слов, она маленькая и худенькая. Нервная. Но я не думаю, что она что-то скрывает. Откуда бы она достала цветы? Мать подтвердила, что в доме их не было. Думаю, мы можем забыть о девочке, если не всплывет что-нибудь еще. Все согласны?

Пара человек неуверенно покивали. Вера продолжила:

– А вот отец – другое дело. Похоже, что ему всегда было трудно мириться с Люком. Они с Джули расстались много лет назад, но он поддерживает связь с семьей. Не регулярно. Заезжает, когда захочется. Иногда дети ездят к нему в гости. Если это он убил мальчика, то это объяснило бы, почему нет следов взлома. Конечно, Люк открыл бы ему. Джули говорит, мальчик всегда его раздражал. Можно представить себе сценарий, когда его провоцируют на убийство, на удушение.

– Но это опять-таки не объясняет цветы, – сказал Эшворт.

– Возможно. Если только он не был достаточно умен, чтобы понимать, что его будут подозревать, а такая искусная инсценировка уведет нас в другую сторону. Тем больше причин разузнать об этих цветах. Если их можно найти в деревне, он мог собрать их после убийства.

Эшворт был настроен скептически.

– Для этого нужно быть весьма хладнокровным. Придумать весь этот спектакль, выйти за цветами, вернуться в дом. Кто-нибудь его бы точно заметил.

– Да, наверняка. Есть новости от обхода соседей? Они не видели кого-нибудь на улице?

Она подумала, что чуть позже сама вернется в деревню. Вообще ей не пристало стучать в двери. По крайней мере, так считал ее начальник. В последнем отчете о ее работе упоминалось нежелание делегировать. По его словам, ее роль стратегическая, она занимается управлением информацией. Но ей нравилось самой проникнуться тем, что происходит в округе. Не у всех это получалось хорошо.

Она посмотрела на пустые лица в ожидании ответа. «Неудивительно, – подумала она, – что я не стремлюсь делегировать».

Наконец заговорил Эшворт. Опять любимчик. Хотя она догадывалась, что они обзывали его куда хуже, когда она не слышала.

– По словам команды, проводившей опрос соседей, никто ничего необычного не видел.

– Что насчет машины, которую Джули видела на улице в среду вечером?

Он посмотрел в записи.

– Ее точно не было там в девять. Одна женщина вела дочь домой с собрания скаутов. Она говорит, что запомнила бы.

Остальные молчали. Наступила тишина. Вера сидела на краю стола, толстая, круглая и бесстрастная, как Будда. Она даже закрыла на секунду глаза, словно погрузилась в медитацию. Вдали слышались звуки из других кабинетов – телефонный звонок, взрыв смеха. Она снова открыла глаза.

– Если это не выходка отца, то нужно разобраться, что же произошло на месте убийства, – сказала она. – Похоже на театр. Или эти арт-инсталляции. Мертвая овца. Куча слонового дерьма. Такое искусство, где смысл важнее внешнего вида произведения или навыков, которые понадобились для его создания. Нам нужно понять, что этот художник пытался сказать. У кого-нибудь есть идеи?

Они смотрели на нее так, что сами были похожи на дохлых овец. Но в этот раз ей не в чем было их винить. Она и сама была в полном недоумении.

Глава седьмая

Был вечер пятницы, и двухполосная дорога, ведущая от Ньюкасла к побережью, была забита машинами. Люди уезжали с работы пораньше, чтобы насладиться солнцем. Стекла в окнах опущены, музыка на полную громкость – выходные уже начались. Отец Люка Армстронга жил прямо у прибрежной дороги в одном из новых просторных жилых районов на окраинах Уоллсенда. Вера знала, что общаться с ним – не ее работа. Ей следовало оставить полевую работу остальной команде. Как еще они научатся? Но в этом она была хороша. Она представила себе Джули Армстронг, запертую в Ситоне с дочерью и воспоминаниями, и подумала, что никому не отдаст эту задачу.

Дом был из красного кирпича, на две семьи. Перед домом – небольшой палисадник, отделенный от соседнего сада лавандовой изгородью, вымощенная подъездная дорожка, подземный гараж. Строители выжали каждый дюйм из этой земли, на которой раньше находились три угольные шахты. Но район казался достаточно приятным для тех, кто не прочь жить в большом соседстве. Улицы были спроектированы с множеством небольших тупиков, чтобы дети могли спокойно кататься на велосипеде. В садах росли молодые деревца. Снаружи на домах – подвесные клумбы, на дорожках – чисто вымытые машины. «Не к чему придраться», – подумала Вера.

Она не была уверена, что Джефф Армстронг окажется дома. Она звонила по телефону перед выездом и попала на автоответчик, но не оставила сообщение. Решила застать его врасплох. Она медленно ехала по улице в поисках нужного дома. Было три часа дня, и младшие дети возвращались из начальной школы на углу. Матери, ждавшие их на игровой площадке, выглядели розовыми и осоловелыми от полуденного солнца. Вера стояла на лестнице и звонила в дверь, когда на дорожке к дому появился Армстронг. Он держал за руку маленькую девочку, которая, судя по возрасту, только пошла в школу. Идеальный ребенок, как из рекламы – светлые кудряшки, веснушки, огромные карие глаза, простое платьице в красную клетку.

– Да? – сказал он. Всего одно слово, но произнесенное с тем оттенком агрессии, который пугал Джули.

Она не успела объяснить, потому что открылась дверь. В проеме стояла хрупкая женщина. На ней был халат, она щурилась на солнце, но не смутилась, что ее застали в таком виде. Она знала, что даже сейчас выглядит хорошо.

– Кэт работает в ночную смену, – рассерженно сказал Армстронг. – По пятницам я заканчиваю рано, чтобы забрать Ребекку. Чтобы Кэт лишний час поспала.

– Простите, милая, – Вера обращалась к женщине, не к нему. – Меня не предупредили.

Она достала удостоверение, показав его обоим.

– Можно войти?

Они сели в маленькой кухне, оставив Ребекку в гостиной с соком, печеньем и детским телеканалом. Кэт поставила чайник и, извинившись, ушла переодеться. Вера снова попросила прощения за то, что разбудила ее, но она отмахнулась.

– Все равно в такую погоду спать невозможно. Радио в садах, дети играют на улице. В любом случае это важно. Бедный Люк.

Она секунду постояла в проходе и ушла наверх. Было слышно, как она идет, как открывает шкаф, включает душ.

Они сели на высокие табуреты за стойкой. Вера подумала, что они выглядят нелепо. Два толстых гнома на поганках.

– Люк проводил здесь много времени? – спросила она.

– Довольно много до того, как заболел. Больше, чем Лора. Я думал, она обрадуется, когда Кэт родила ребенка. Младшая сестричка. Но она как будто была на нее в обиде. Люк лучше ладил с Ребеккой, даже когда она была крошечной.

– Он не был здесь после выписки из больницы?

– Нет. Кэт хотела его позвать на прошлых выходных, но я сомневался...

– Беспокоились за малышку?

– Ну, не то чтобы он мог ее обидеть. Но если бы он стал вести себя странно, она бы не поняла.

Он помолчал.

– У меня не получалось обращаться с Люком хорошо, когда я жил дома. Кэт говорит, это гордыня. Я хотел сильного мальчика, спортивного. Как я, только лучше. Думаю, мне было стыдно, что он не похож на других парней.

Вера подумала, что он изменился с тех пор, как ушел от Джули. Видимо, Кэт оказывала на него благотворное влияние. Или просто научила его хорошо притворяться.

– Вы выходили из себя.

Он потрясенно посмотрел на нее. Ведь он потерял сына. Она не должна была говорить с ним в таком тоне.

– Тяжелое было время, – ответил он. – Я потерял работу, не было денег, мы с Джули не ладили. В последнее время я старался понять его получше. А потом этот его приятель утонул, и Люк слетел с катушек. Никто тогда не мог до него достучаться.

– Вы навещали его в больнице?

– Вместе с Кэт. Не уверен, что смог бы выдержать это один. Поначалу было видно, что его сильно накачивают лекарствами. Я даже не уверен, что он понимал, что мы были там. Но даже тогда он выглядел напуганным. Все время вскакивал, когда к нему подходили со спины. Когда ему стало лучше, мы взяли его с собой в город. Поели пиццу, немного погуляли по Морпету. Он стал более разговорчивым, но все равно был очень нервным. Постоянно говорил, что это его вина, что этот мальчик утонул. Мы дошли до моста, ну, знаете, через реку у церкви, и он потерял над собой контроль. Весь затрясся, заплакал. Нам удалось его успокоить, только когда мы вернулись обратно в больницу.

– Он говорил, почему был напуган? Кто-нибудь винил его в смерти мальчика?

– Он и до срыва толком не мог объясняться. Мы спрашивали, но от вопросов становилось только хуже.

– Вы навещали его пару раз после того, как он вышел из больницы?

– Да, и ему, казалось, было лучше. Он не любил уезжать из дома, говорила Джули. Но после больницы он был больше похож на себя.

– Сестра, наверное, была рада, что он вернулся домой.

Армстронг наклонился вперед, согнувшись над стойкой. Руки у него были жесткие, мозолистые, с очень короткими ногтями.

– Да, наверное.

Он замолчал, разглядывая пальцы.

– Но ей было нелегко. Иногда ей было сложно ладить с Люком. Может, слишком похожа на отца, чтобы давать поблажки. Или, может, ее просто достало, что ему достается все внимание матери.

Они услышали, как наверху хлопнула дверь, затем – звуки шагов, и Кэт снова появилась на кухне. Она была в форме медсестры, волосы собраны в пучок.

– Можно? Или вы хотите поговорить с Джеффом наедине?

– Заходите, – сказала Вера. – Я как раз подхожу к сложной теме. Может понадобится женский здравый смысл. Чтобы ваш муж не психанул.

– Что вы имеете в виду?

– Я должна спросить вас обоих, что вы делали в момент убийства Люка. Это не значит, что я считаю, что вы как-то причастны к его смерти. Но я должна спросить. Вы это понимаете?

– Конечно, – ответила она.

– Джефф?

Он неохотно кивнул.

– Я была на работе, – сказала Кэт. – Гинекологическое отделение в Госпитале королевы Виктории. Нас было трое. Был аврал. Несколько экстренных пациенток по «Скорой». У меня даже не было времени на перерыв. Джефф был здесь всю ночь, сидел с Ребеккой.

– Вы всегда работаете по ночам?

– С тех пор, как вышла на работу после декрета. Нам так удобно. Джефф работает сам на себя. Большинство заказов он получает от строителя из Шилдса, Барри Миддлтона. Джефф делает для него все отделочные и столярные работы. У Барри хорошая репутация, работа регулярная, но Джефф может подстраивать часы работы под себя, чтобы быть с семьей, не работать в каникулы. Он собирает Ребекку в школу по утрам, когда я возвращаюсь со смены, а по пятницам забирает ее. Вскоре после того, как я уйду на работу вечером, Ребекка ложится спать. Мы не так много общаемся с другими людьми, зато Ребекка проводит с каждым из нас достаточно времени.

– Ваша дочь просыпалась в ту ночь, когда убили Люка?

Вопрос был адресован Джеффу, но ответила снова Кэт:

– Она никогда не просыпается! Просто чудо. Спит всю ночь с тех пор, как ей исполнилось шесть недель. Укладываешь ее спать, и она спит спокойно до семи утра.

Наступило неловкое молчание. Едва договорив, Кэт поняла скрытый смысл своих слов.

– Но он бы не бросил ее! – воскликнула она. – Вы же видели, какой он с ней. Он ни за что бы не ушел и не оставил ее одну.

– Джефф?

– Я не бросал ее, – сказал он. Она знала, что он старается держать себя в руках, чтобы доказать ей и Кэт, что он может, что больше он не теряет контроль над собой.

– Я бы даже до конца дороги не дошел, не вообразив непонятно что. Думал бы, вдруг дом загорится. Вдруг ей станет плохо. Я бы ее не оставил. В любом случае я мог увидеть Люка когда угодно. Зачем ждать до глубокой ночи?

– Ну хорошо, – сказала Вера. – С этим разобрались. Можем идти дальше. *Хотя на самом деле не разобрались. Он мог попросить кого-нибудь посидеть с Ребеккой. Или, если ему совсем приперло, все же оставить ее одну, что бы он сейчас ни говорил при жене. Завтра она отправит свою команду поговорить с соседями. Проверить, не нанимали ли кого-нибудь в качестве няни. Или не видели ли, как машина отъезжает от дома.* Она перевела дыхание.

– У вас есть идеи, кто мог хотеть убить Люка? Джули сказала, что у него не было врагов, но мать всегда считает, что ее ребенок и мухи не обидит. Мне нужно за что-то зацепиться. С чего-то начать.

Из гостиной было слышно, как девочка подпевает какой-то песенке по телевизору. Вера не очень-то разбиралась в детях, но подумала, что, наверное, настолько самостоятельный ребенок – это необычно. Этот дом не был похож на тот в Ситоне, где вырос Люк. Здесь царил покой и порядок. Семья жила однообразной жизнью. Джули же была необходима драма. Вера не спускала глаз с пары, ожидая, когда они заговорят.

– Люк мог очень раздражать, – сказал Армстронг. – Сам того не желая. Он просто не понимал, что ему говорят. Просишь его что-нибудь сделать, а он смотрит на тебя так, как будто это ты рехнулся, раз ожидаешь от него понимания. Это могло навлечь на него неприятности. Некоторые из тех, с кем он связался, привыкли, что к ним относятся с уважением.

– Типа Шарпов?

– Возможно.

– Шарпы винили Люка в смерти их сына?

Похоже, Армстронгу нужно было время, чтобы обдумать это.

– Я с ними не общаюсь, – сказал он наконец. – Я не знаю. Но они ведь не славятся терпением, да? А Люк вывел бы из себя даже святого. Если бы кто-то из них спросил его, что случилось тем вечером, когда погиб Томас, Люк не смог бы ответить. Он начал бы нервничать, суесться. Не смог бы произнести ни слова и просто уставился бы на них. Как я уже сказал, это бесило. Даже если вы не верите, что Люк виноват, это все равно вас взбесит.

– Но не настолько, чтобы пойти к нему домой и задушить его, – сказала Кэт.

Армстронг пожал плечами:

– Не знаю больше никого, кто мог бы хотеть его убить.

– Люк когда-нибудь говорил с вами об этом несчастном случае?

– Не о самом случае, – сказала Кэт. – Он приезжал к нам вскоре после того, как это случилось. Говорил о тех цветах, которые потом бросали в реку. О том, какие они красивые. Он ходил туда с Джули и, кажется, был под большим впечатлением. На первой полосе «Хроники» была фотография. Он принес ее показать мне.

В дверях кухни появилась Ребекка. Она стояла, застенчиво, но с любопытством глядя на незнакомку.

– Джефф, можешь заварить чай? – спросила Кэт. – Мне нужно собираться на работу.

Она пошла за Верой к выходу. На кухне Джефф включил радио и вместе с Ребеккой подпевал попсовой песне.

У Веры было много вопросов. Она хотела знать, как Кэт и Джефф познакомились. Что она в нем нашла? Как увидела за хамоватостью и гневом будущего любящего отца? Но, возможно, это просто любопытство и не ее дело. Она удовлетворилась лишь одним комментарием.

– Мне говорили, что ваш муж немного вспыльчив, – сказала она. – Сейчас это не было заметно.

Кэт на секунду остановилась и потянулась к дверной ручке.

– Он счастлив, – ответила она. – У него больше нет причин злиться.

Вера подумала, что это прозвучало немного поспешно. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но давить не стала. Ей нужно было увидаться еще кое с кем.

Глава восьмая

Лежа в ванне под приоткрытым окном, глубоко под горячей водой, Фелисити предавалась воспоминаниям. Она не была склонна к самокопанию и не понимала, в чем причина сейчас. Возможно, дело было в шестидесятилетии Питера. Иногда юбилеи производили на нее такой эффект. Или это хандра, вызванная менопаузой. Встреча с Лили Марш вывела ее из равновесия. Она завидовала молодости и жизненной энергии девушки, ее подтянутой коже и плоскому животу, завидовала ее независимости.

Фелисити вышла замуж слишком рано. Она познакомилась с Питером на вечеринке. Она тогда была еще студенткой, всего шесть недель как начала учиться. Родители пытались убедить ее выбрать университет подальше от дома, но ее и так пугала перспектива жизни в общежитии. Ей хотелось хотя бы иметь убежище в часе езды от учебы. Ее отец был священником, мягким, не напористым в вопросах религии, но скупым на ласку. На самом деле ей понравилась студенческая жизнь, новые знакомства, поздние посиделки и особенно мужчины. Она видела, что они находят ее привлекательной. Им нравилась ее застенчивость, возможно, они даже видели в ее скромном поведении особый вызов. Но она не знала, как на них реагировать, и бродила вокруг, диковатая и немного потерянная. Алиса в академической стране чудес.

Итак, она пришла на вечеринку в студенческое общежитие в Хитоне. Там был голый деревянный пол, индийские хлопковые платки на стенах, незнакомая музыка и тяжелый запах «дури», который она ощущала, но не знала, что это такое. Она помнила, что было очень холодно, несмотря на то что в комнату набилось много людей. Ударили первые осенние морозы, а отопление еще не включили. На улице кучки сырых опавших листьев примерзли к тротуару.

Что Питер вообще там делал? Это было совсем не в его стиле, да и вообще ниже его достоинства – браться со студентами. Но он был там, в вельветовых штанах и шерстяном свитере ручной вязки, старомодный, словно сошел со страниц романов Кингсли Эмиса. Он пил пиво из банки и выглядел жалко. И хотя на студенческой вечеринке он был белой вороной, Фелисити он показался знакомым – по крайней мере, его типаж. В их приходе были одинокие мужчины, которых притягивала церковь, потому что там им бы точно не отказали в гостеприимстве. Последний священник был ужасно застенчив. Ее мать смеялась над ним за спиной, а деревенские старые девы бальзаковского возраста сражались за его симпатию, угощая его рагу из ягненка и пряными коврижками.

Но когда Фелисити заговорила с Питером, она обнаружила, что он совсем не похож на хилых молодых христиан, которых она встречала в летнем лагере, или на того симпатичного священника. Он был резким, высокомерным и вполне уверенным в себе, несмотря на странную одежду.

– Я договорился о встрече, – сказал он раздраженно. – Но человек не пришел. Пустая трата времени.

Фелисити не поняла, говорил ли он о мужчине или женщине.

– Мне нужно проверять работы.

Тут она поняла, что он не просто взрослый студент. Тогда он не выглядел на тринадцать лет старше нее. Его статус ее пленил. Ее всегда влекло к авторитетным мужчинам. Ей нравилась идея предоставить контроль кому-то другому, кто будет ее обучать и информировать. У нее было так мало опыта общения с мужчинами. Она была убеждена, что сделает все неправильно. Лучше позволить кому-то знающему вести ее за собой.

Она робко спросила его о работе, и он начал говорить об этом с таким энтузиазмом и пылом, что она была покорена, хотя и не понимала ни слова. Они перешли в холл, где музыка была не такой громкой, и сели на лестницу. Они не могли сидеть рядом, потому что нужно

было пропускать людей, которые постоянно бегали наверх в туалет, так что он сел на ступеньку выше, а она заняла место у него в ногах.

Разговор не был его монологом. Он спросил ее про нее саму, слушал, как она описывает свой дом и родителей.

– Я единственный ребенок. Думаю, меня очень оберегали.

– Наверное, все это – настоящий шок, – сказал он. – В смысле, студенческая жизнь.

Ей не хотелось говорить, что вообще-то она получает удовольствие от университетского шума, хаоса и свободы. Казалось, ему нравится видеть ее ранимой, и возражать ему казалось грубостью. Он даже благосклонно отнесся к ее вере, словно это было уместно для человека на этом этапе жизни. Словно ей было шесть лет и она верила в зубную фею.

– Даже я согласен с тем, что не все можно объяснить наукой, – сказал он и впервые прикоснулся к ней, погладив ее по волосам, словно желая убедиться в том, что она не выставила себя душой. И она была ему благодарна за понимание.

Они ушли, когда вечеринка была в самом разгаре. Он предложил проводить ее до общежития. Они сели на автобус до города, потом прогулялись по парку Таун-Мур. Было ужасно холодно, все кругом было белым и серебристым, в низинах клубился туман, изо рта шел пар. Стояла полная белая луна.

– Она кажется слишком тяжелой, – сказала Фелисити. – Словно вот-вот упадет на землю.

Она ожидала краткую проповедь о гравитации и планетах, но он остановился, посмотрел ей в глаза, взяв ее лицо в свои руки в перчатках.

– Ты прелестна, – сказал он. – Я никогда не встречал никого, похожего на тебя.

Позже она осознала, что, по-видимому, так оно и было. Он учился в школе для мальчиков, затем сразу пошел в университет, и вся его энергия была направлена на научную работу. Возможно, он мечтал о женщинах, возможно, эти мечты преследовали его, врываясь в его сознание каждые шесть минут. И, уж конечно, у него наверняка был сексуальный опыт. Но он не позволял себе отвлекаться на все это. До этого момента. Они пошли дальше, и он приобнял ее за плечи.

Перед общежитием он притянул ее к себе и поцеловал, снова провел рукой по волосам, но уже не нежно, а резким движением, которое заставило ее понять, насколько он расстроен. Усилие, с которым он прижимал руку к ее волосам и голове, было единственным выражением желания, которое он мог себе позволить. Она чувствовала, как в нем словно электрический ток звенит и искрит сдерживаемая страсть.

– Мы можем пообедать вместе? – спросил он. – Завтра.

Дав согласие, она почувствовала, что ситуация у нее под контролем. Власть была в ее руках.

Когда он ушел, рядом возникла подруга.

– Кто это был?

– Питер Калверт.

Подруга была впечатлена.

– Я о нем слышала. Он же вроде блестящий ученый? Чуть ли не гений?

Он повез ее на обед в Тайнмут, они поехали на его машине. Она-то думала, что они сходят поесть куда-нибудь в городе, недалеко от университета. Машина и обед в ресторане отеля тоже выделяли его среди ее друзей-студентов. Ее было легко впечатлить. Потом они забрались по склону к монастырю и смотрели вниз на реку и Саут-Шилдс. Прошлись по набережной Тайна, он показал ей средиземноморскую чайку. У него был с собой бинокль. Она подумала, что это странно, ведь его специальность – ботаника. Тогда она еще не знала, что было его главной страстью.

– Ты торопишься обратно? – спросил он. – Лекция?

Он взял ее руку в свою, поглаживая пальцем ладонь. Светило солнце, и сегодня перчатки ему были не нужны.

– Не хочу сбивать тебя с пути истинного.

– Вот как?

Он улыбнулся:

– Ну, может, и нет. Пойдем ко мне, выпьем чаю.

Его квартира была неподалеку, в Норт-Шилдсе, на чердаке с видом на Нортгумберлендский парк. В остальной части дома жили две пожилые сестры. Когда они приехали, одна из них была в садике, собирала листья с лужайки. Она дружелюбно помахала им и вернулась к работе, не проявляя никакого интереса к Фелисити. Квартира была очень чистая, и Фелисити показалось, что Питер убрался в ней специально. Кругом были книги. На стене была крупномасштабная карта территории его исследований, а путь внутрь преграждал телескоп на штативе. Дальше была гостиная с небольшой кухонькой, ванная комната и дверь, которая, как она предположила, вела в спальню. Она смотрела на дверь спальни как зачарованная, не отводя глаз, пока Питер делал чай. Она была деревянная, текстура дерева проглядывала через белую глянецовую краску. У двери была круглая латунная ручка. Интересно, в спальне тоже прибрано? Сменил ли он простыни в ожидании ее? Она заглянула бы внутрь, но он вошел с подносом чая. На подносе были чашки и блюдца, все разные, и кусочки фруктового кекса с маслом.

Тем вечером они вошли в его спальню и занялись любовью. Это был ее первый раз – естественно, ничего особенного. Долго возились с презервативом: казалось, он, как и она, не понимал, как им пользоваться, и, похоже, они все сделали совершенно неправильно, или просто не повезло, потому что вскоре она обнаружила, что беременна. По-видимому, это случилось в тот первый раз. Потом они действовали более умело, да и секс стал лучше. Хотя даже в тот первый вечер она ощутила некий проблеск, предчувствие чего-то прекрасного, и это было больше, чем она ожидала.

Вскоре после этого, но еще до того, как поняла, что беременна, она привезла Питера познакомиться с родителями. Был сырой промозглый день, и, хотя время было обеденное, подъезжая к дому через лес, они увидели свет в гостиной и огонь камина.

– Так было всегда, когда я возвращалась из школы, – сказала она. – Уютно.

Он мало рассказывал о своих родителях. Они занимались бизнесом и были сосредоточены на этом. Он внушал ей такое чувство, словно ее отношение к семье было сентиментальным и оторванным от жизни.

Мать приготовила густой овощной суп, любимое блюдо Фелисити, и испекла хлеб. После обеда они сидели у камина с кофе и шоколадным пирогом. Поначалу Питер был неразговорчив. Он словно чувствовал себя не на своем месте, как она – в университете. Ощущал себя чужим. Теперь, сидя у камина, он вроде бы расслабился. Фелисити казалась неестественно уставшей. Она слушала разговор словно в полусне. Он говорил о своей работе, а отец задавал вопросы – не из вежливости, Фелисити всегда могла отличить, когда он делает что-то просто как формальность, – а потому, что ему было интересно. «Это хорошо, – подумала Фелисити. – Они поладили». Потом она, видимо, уснула, потому что проснулась, вздрогнув, когда в камине упало прогоревшее полено и выплонуло искру на коврик. Ее мать снисходительно улыбнулась и сказала что-то о буйных вечеринках. Такое же утомление Фелисити чувствовала на первом этапе всех своих беременностей.

Женитьба была идеей Питера. Ее родители на них не давили. Они даже казались неуверенными в том, что такая поспешность необходима. «Вы вместе так недолго». Возможно, они поддержали бы ее, реши она сделать аборт. Питер попросил дать ему поговорить с ее родителями наедине. Они снова отправились в дом викария, и он беседовал с ее родителями на кухне, а она дремала над книгой в гостиной. Она чувствовала, что дело увели из ее рук. Ей не хватило энергии принять решение.

На обратном пути в Ньюкасл она спросила Питера, о чем они говорили.

– Я сказал им, что решил жениться на тебе, как только увидел тебя.

Она подумала, что это самое романтическое, что она когда-либо слышала, и вскоре они поженились.

Фелисити была так поглощена воспоминаниями, что звук хлопнувшей внизу двери заставил ее вздрогнуть. Вода в ванне остыла. Она вылезла, обернувшись полотенцем, вышла на лестницу и крикнула вниз:

– Питер! Я тут, наверху.

Ответа не последовало. Она перегнулась через перила, но его не было видно. Она спустилась по лестнице, все еще обернутая в полотенце, оставляя за собой влажные следы. Дом был пуст. Она решила, что ей, должно быть, послышалось, но ощущение того, что в дом кто-то влез, преследовало ее до конца дня.

Глава девятая

Эклингтонская тюрьма была выше по побережью, почти по дороге домой. Было нелегко договориться о посещении Дейви Шарпа так поздно вечером. Официально визиты проводились утром – для адвокатов, офицеров по условно-досрочному освобождению, полицейских, – и руководство тюрьмы было непреклонно. Вере пришлось прибегнуть к обещаниям взаимных услуг и вспышкам гнева по телефону, прежде чем они согласились. Она припарковалась и подошла к воротам. Над полями, тянущимися в сторону моря, висела дымка жары. Кругом было тихо. Солнце все еще светило, и, дойдя до здания тюрьмы, она почувствовала жирный пот на лбу и носу. Офицер на воротах поприветствовал ее по имени, хотя она его не узнала. Он был дружелюбен, болтал о погоде, пока она сдавала сотовый телефон и расписывалась в журнале.

– Если погода в ближайшее время не изменится, быть беде, – сказал он. – Жара на них плохо действует. В мастерских просто кошмар. Кто-нибудь вот-вот сорвется, и нам повезет, если не дойдет до мятежа.

Она ждала в комнате для допросов, когда приведут Дейви Шарпа. Вся жара этого дня, казалось, сгустилась в этой маленькой квадратной комнате, а солнце все еще лилось из высокого окна. Она знала, что зимой в тюрьме очень холодно, ветер дует прямо из Скандинавии. Она изо всех сил пыталась сосредоточиться. Она уже общалась с Дейви Шарпом раньше. Он мог быть замкнутым и неразговорчивым, мог быть обаятельным. Она думала о нем как об актере или хамелеоне. Он мог играть любую роль, какую только захочет. Всегда было сложно понять, как ему отвечать. Важно было помнить, что он умнее, чем пытается казаться. И все время ее мысли возвращались к холодному пиву из холодильника, в запотевшем бокале, со стекающими капельками конденсата. Эта картина стояла в ее голове с того момента, как она уехала от Джеффа Армстронга.

Из коридора донесся звук шагов, звяканье ключей на цепи, и дверь открылась. На Дейви была рубашка в сине-белую полоску, синие джинсы, кроссовки. Он скользнул в комнату, не издав ни звука. Шумел офицер. Он стоял, вертя ключи в руке, потом кивнул в ее сторону, не глядя на нее, не произнеся ни слова. Вера чувствовала, что ему не нравилось нарушение распорядка дня, не нравилось, что его заставили вывести заключенного, идти с ним сюда из блока, пока все остальные офицеры, его приятели, сидели в кабинете, пили чай и смеялись. Он вышел, сел на стул с высокой спинкой и уставился в пространство. Она закрыла дверь, почувствовала запах пота, надеясь, что он исходит от Дейви, а не от нее. Она достала из сумки пачку сигарет и протянула ему одну. Он взял, быстро зажег и затянулся.

– Вы знаете, почему я здесь, – сказала она. У них всех сейчас в камерах есть телевизоры, он наверняка видел новости, или же известие о смерти Люка дошло до него иными путями.

– Тот парень, который дружил с нашим Томасом. В этом дело?

Она промолчала, пытаясь прогнать мысль о бокале с пивом.

Он наклонился вперед. Сигарета уже была наполовину выкурена. Он стряхнул пепел в пепельницу из фольги. Худой, ничем не примечательный мужчина. Встретишь его на улице и пройдешь мимо, даже не взглянув. Это было ему на руку. Он вырос в семье, где воровство было второй натурой. Печально известное семейство. В Шилдсе матери говорили непослушным детям: «Не прекратишь баловаться – кончишь, как Шарпы». Он специализировался на мошенничестве с кредитками. Ему было на руку, что люди не могли вспомнить его лицо. Она никогда не понимала, о чем он думает. Но, похоже, он был не так уж успешен. Третью своей взрослой жизни он провел в тюрьме. Возможно, взаперти ему было комфортнее.

Он посмотрел на нее, прищурившись.

– Вы же не думаете, что мы имеем к этому какое-либо отношение?

– Люк винил себя в смерти вашего мальчика. Интересно, может, вы тоже его в этом винили?

– Это был несчастный случай.

Он потушил сигарету. Она заметила, что его рука дрожит, и подумала, не было ли и это частью игры. Она пододвинула пачку к нему и подождала, пока он вытряхнет из нее следующую сигарету.

– Вы когда-нибудь встречались с Люком?

– При жизни Томаса – нет, – он едва улыбнулся. – Я в последнее время не часто бывал дома. Меня выпустили на похороны моего мальчика. Там я встретил пацана Армстронга. Но Томас говорил о нем, когда приходил меня навещать. Похоже, что они были настоящими друзьями. Два сапога пара. Не самые умные в своем окружении. Такое впечатление я составил со слов жены. Мы были рады, что он сошелся с Армстронгом. Мы не хотели, чтобы Томас пошел по моим стопам. Он бы в этом не преуспел и ни за что бы не выжил в таком месте, как это.

– Вы говорили с Люком на похоронах?

– Ага. Перекинулся парой слов. Мне не разрешили остаться на пиво и сэндвичи.

– Что он сказал?

– Что сожалеет. Что сделал все возможное, чтобы спасти Томаса. Было видно, что он не врет. Выглядел паршиво. Рыдал, как младенец, всю службу, с трудом выплевывал слова, когда говорил со мной.

– Его мать была там?

– Толстая блондинка? Ага. Томас про нее тоже рассказывал, говорил, как хорошо она к нему относилась. Я поблагодарил ее.

– Вы были в тюрьме, когда Томас погиб?

– Под следствием.

– Но вы наверняка попытались выяснить, что произошло.

– Поговорил с парой человек.

– И?

– В кои-то веки ваши оказались правы. Парни выпивали, бесились. Томас упал в реку. Как я и сказал, несчастный случай, – он замолчал. – Хотел бы я, чтобы можно было кого-то обвинить. Но некого.

– У Томаса были другие друзья?

– Не особо. Были дети, с которыми он раньше играл, был парень постарше с нашей улицы, который присматривал за ним. Но Люк Армстронг был единственным настоящим другом.

Некоторое время они сидели в тишине. Офицер, сидевший в коридоре, поерзал на неудобном стуле. Они услышали, как на поясе зазвенели ключи.

– Это все? – спросил наконец Шарп.

– Вы представляете, кто мог хотеть смерти Люку Армстронгу?

Он покачал головой:

– Никто из тех, кого я знаю, не стал бы душить мальчишку.

Вера знала, что это не так, но комментировать не стала.

– Он не работал на вас? В смысле вы не использовали ребят в своих целях?

Она подумала о каких-нибудь мелких поручениях, может, он давал им пару фунтов за передачу сообщений.

– Я же сказал, я никогда не встречался с Люком Армстронгом, пока не увидел его на похоронах сына, и я не хотел, чтобы Томас участвовал в моих делах. Кроме того, я бы им ничего не доверил. Даже пачку чипсов стащить. Слишком ненадежные.

– Просто странное совпадение. Оба мертвы. Может, кто-то пытается что-то сказать вам?

– Совпадения случаются, – мрачно сказал он.

Она пристально посмотрела на него, пытаясь понять, стоит ли что-то за этими словами, но его лицо оставалось бесстрастным.

– Вы могли бы поспрашивать по своим, – сказала она. – Показать, что вы заинтересовались произошедшим.

Сначала казалось, что он ее не услышал. Продолжал смотреть перед собой не отрываясь. Потом едва заметно кивнул:

– Сделаю.

– И вы дадите мне знать, если что-то услышите?

Он снова кивнул.

Она чувствовала, что чего-то не хватает, что остался еще один незаданный вопрос. Какое-то время они сидели, глядя друг на друга. Она думала, стоит ли упомянуть цветы в ванне – может, это о чем-нибудь ему говорит? Но им удалось сохранить это в тайне от прессы, и она не хотела, чтобы это стало достоянием общественности. Наконец она толкнула ему пачку сигарет через стол, не сказав ни слова. Подождала, пока он засунет ее в карман джинсов, потом открыла дверь и позвала офицера.

– Ладно. Мы закончили.

Стоя у ворот в ожидании, когда ее выпустят, она попыталась представить себе лицо Шарпа, какое-нибудь выражение, за которое можно было зацепиться, какой-то подтекст в словах. Но не смогла. Черты расплывались. Она даже не была уверена, что узнала бы его на процедуре опознания.

Перед тем как сдать телефон охраннику, она его выключила. Сейчас, возвращаясь к машине, включила снова. Ни сообщений, ни пропущенных звонков. Они не продвинулись с тех пор, как нашли Люка. Она припарковала машину в тени, и теперь солнце стояло ниже. Вера выключила кондиционер и открыла окна. Вдали от побережья на дорогах было тихо, и, взбираясь на холмы, она почувствовала, что ее настроение улучшается. Дома ее ждал холодильник, полный пива, и завтра она вернется к расследованию свежей и отдохнувшей.

Как только она припарковалась перед старым домом станционного смотрителя, зазвонил телефон. Сначала она не услышала его, потому что мимо в северном направлении несся эдинбургский поезд. Компания «Вёрджин Трейнс», не «Большая железная дорога Северо-Востока». Семафор вспыхнул красным. Поезд проехал, и телефон снова зазвонил.

Глава десятая

Джеймс любил шахматы. Его научил Клайв, один из друзей Питера, и, возможно, из-за того, что Джеймс считал шахматы взрослым занятием, он ими очень увлекся. Так он чувствовал себя большим. У Питера редко хватало терпения играть с ним, но Фелисити Джеймс уже всегда обыгрывал. Она ждала на улице, периодически посматривая на часы. Она сказала ему выйти вовремя, потому что ей нужно было готовить особый ужин, но он все равно вышел из школы последним. «Я должна радоваться, что он такой беспечный», – подумала она.

Всю дорогу домой он говорил об игре, и ей пришлось его перебить, чтобы спросить о студентке, которая приходила посмотреть коттедж.

– Мисс Марш не сказала, хочет ли она у нас пожить? – спросила она, как только они свернули на дорогу, которая вела к их дому.

– Нет, – сказал он так рассеянно, что она поняла, что он все еще думал о другом. – Я ее сегодня не видел.

Она подумала, что на этом, видимо, все и закончится. Жаль. Было бы весело, если бы девушка пожила по соседству пару недель до конца четверти. Тут ей пришлось прижаться к ограде, потому что навстречу ехал «Ленд Ровер», и она забыла об этом.

Фелисити ожидала, что Питер придет домой пораньше, но он задержался. Она начала немного беспокоиться – дорога из города была темной, на ней часто случались аварии. Но он приехал прежде, чем волнение переросло в настоящую тревогу, и от облегчения в ней проснулась нежность. Она обняла его, поцеловала в шею и веки, пошла за ним наверх и сидела на кровати, пока он переодевался. Затем они услышали, как по дорожке подъезжает машина, и ей пришлось бежать встречать гостей, и холл вдруг наполнился мужскими голосами и смехом. Ей нравилось, что у Питера есть друзья. В университете он ни с кем не общался в свободное время. И ей всегда нравились эти ребята – галантный Сэмюэл, застенчивый Клайв, непутевый Гэри. Ей нравилось смотреть на их спортивные тела, подтянутые от прогулок по холмам, нравилось, что они восхищаются ею. Она знала: они считают, что Питеру с ней повезло. Особенно перед ней преклонялся Клайв. Ей льстило, что он следит за ней взглядом, когда она ходит по комнате. Нравилось, что он краснеет, когда она обращает на него внимание. Но когда они собирались все вчетвером, она чувствовала себя лишней. У них не было ничего общего, кроме интереса к естествознанию, но эта их страсть была всепоглощающей, и она не могла разделить ее.

Они были очень обходительны с ней. Сэмюэл принес рукопись своего последнего рассказа.

– Я подумал, тебе будет интересно. Ты же знаешь, я ценю твое мнение.

Она поцеловала их всех по очереди, наслаждаясь краткими прикосновениями руки к мускулистым плечам, крепким спинам. Когда сухие губы Сэмюэла коснулись ее щеки, она ощутила дрожь возбуждения.

– Проходите в сад, – сказала она. – Я приготовлю вам чай.

Но Питер был в приподнятом настроении и сказал, что они не хотят чая. Им захотелось пива, и они все вместе пошли за ним на кухню, путаясь у нее под ногами и мешая готовить. Питер наслаждался каждой минутой. Фелисити не была уверена насчет Сэмюэла – иногда по нему было сложно сказать, о чем он думает, – но остальные по-настоящему верили в Питера. Они считали его самым умным человеком из всех, что они знали, и верили, что его работу недооценивают из-за интриг. Его записи, которые он отправлял в Комитет по учету редких птиц, отклоняли лишь из мелочной зависти. Это была их возможность показать ему, как они его ценят. Как преданы. И от их внимания он расцвел, стал щедрым и обворожительным. Разливал напитки и толкал речи.

В какой-то момент она отправила их к маяку. Она чувствовала себя пойманной в ловушку, чувствовала, что не может дышать.

– Идите вперед, – сказала она. – Я накрою стол и догоню вас.

Обычно она справлялась с таким количеством гостей, любила принимать их у себя, но сегодня все это было чересчур.

Сэмюэл предложил свою помощь, но она отказалась и теперь стояла у кухонной двери и махала им вслед. Они шли неровной линией, смеялись, сын скакал вокруг них, как дурашливый щенок. Она наблюдала за ними, пока они не перелезли по ступенькам через ограду на поле и не пропали из виду и она не убедилась, что избавилась от них.

Она накрыла стол на террасе, не торопясь, полируя бокалы кухонным полотенцем, хоть в этом и не было нужды, ведь она только вынула их из посудомоечной машины. Солнце еще грело, но свет стал мягче. Она налила большой бокал белого вина из бутылки, оставшейся в холодильнике, села на один из стульев за длинным столом и посмотрела на сад.

Наконец она почувствовала, что нужно присоединиться к ним. Она обещала. Но она не полезет через ограду и не пойдет по краю кукурузного поля. Забрав Джеймса из школы, она переделалась в простое длинное льняное платье без рукавов. С одной стороны был разрез, который позволял ей нормально ходить, но не перелезает через заборы. Она пойдет по дорожке через луг, вдоль берега ручья. Это займет больше времени, но она знала, что, дойдя до маяка, они не сразу пойдут назад. Джеймс захочет поискать крабов в воде среди камней. Взрослые ему не откажут. А сами будут сидеть в мягком вечернем свете и разговаривать. Когда она дойдет до маяка, они как раз будут готовы уходить.

Она пошла в сторону луга, потом вернулась и проверила, заперла ли дом. За коттеджем поле спускалось к ручью. Зимой земля здесь становилась болотистой, и иногда ручей растекался. По противоположному берегу шла тропа, к ней вел простой дощатый мост. Проходя мимо коттеджа, она проверила дверь. Она все еще не могла до конца убедить себя, что появление незваного гостя в доме ей только послышалось. Коттедж был заперт. Ей пришло в голову, что это мог бы быть еще один аргумент в споре с Питером в пользу того, чтобы сдать его Лили, – это помешало бы вора обосноваться в домике. У ручья трава местами была короче, как будто кто-то ее покосил, хотя она не могла понять, зачем кому-то это делать. На мгновение она задержалась на середине моста, глядя вниз, на воду. Она слышала, что сюда вернулись выдры, и, хотя она понятия не имела, какие признаки их обитания нужно искать, всегда останавливалась здесь в надежде хоть мельком их увидеть.

В этом месте вода в ручье была стоячей и очень тихой. В поле стояли коровы, отпущенные после вечерней дойки. Они вытоптали берег, и ей пришлось сойти с дорожки, чтобы обогнуть грязь. Дальше были маленькие кованые ворота на крючке, а за ними характер местности менялся. Трава, объединенная кроликами. Колючие кусты облепихи и ежевики. Дно ручья было песчаным, мелким и широким, и от него пахло солью. Маяк был прямо перед ней. Хотя она не видела компанию, ей показалось, что она их слышит – взрыв смеха – наверное, Гэри, – и крик Джеймса, привлекающего к себе внимание. Она посмотрела на часы. Половина девятого. Обычно Питер не любил есть поздно, но сегодня он не будет возражать. Она знала, что ему хорошо.

Она обнаружила их на наблюдательной вышке, которая стояла у маяка со стороны моря. Когда-то здесь дежурили спасатели. Сейчас ее использовали орнитологи для наблюдения за морскими птицами. Компания сидела на скамейке в ряд, глядя на залив. Хотя время года для наблюдения за птицами было неподходящее, башня притягивала их. Другие мужчины расслабились в пабе, а они чувствовали себя как дома здесь. Поднимаясь по деревянным ступеням, она услышала обрывки разговора. И замерла, прислушиваясь.

– Сегодня наблюдать неинтересно, – сказал Гэри. – Посмотрите, какое на море спокойствие. Прямо какой-то дзен.

Фелисити улыбнулась про себя. Что Гэри знает о дзене? Он знал все о стереосистемах, рок-музыке и акустике. Но не о дзене.

Какое-то время все молчали. Клайв наклонился вперед – что-то на горизонте привлекло его внимание. У него был старый бинокль, который мама подарила ему, когда ему было лет двенадцать, но он славился своим зрением.

Затем заговорил Питер. Педантично, как будто выступал перед аудиторией студентов. Взвешивая каждое слово.

– Все дело в вероятности, не так ли? Вероятность и случайность. Случайная природа вселенной. Мы можем просидеть здесь четыре часа и не увидеть никого, кроме пары буревестников. А потом ветер изменится, сменится погодный фронт. И вдруг налетит столько птиц, что не сосчитать.

Клайв поерзал на своем месте. Опустил бинокль. Фелисити подумала, что он собирается сказать что-нибудь глубокомысленное. Иногда он так делал. Но он лишь указал на двух тупиков, летевших на север, и продолжил вглядываться в море.

Фелисити забралась на вышку. Джеймс спрыгнул со скамейки и подбежал к ней, гримасничая. Она поняла, что ему скучно и не сидится на месте.

– Можно уже пойти домой?

– Иди, погуляй по камням. Только далеко не забегай...

Сэмюэл тоже встал.

– Может, все двинемся назад? Наверное, уже пора ужинать.

Она улыбнулась. Он был таким любезным.

– Вечер замечательный. И у Питера день рождения. Давайте еще посидим.

Когда Джеймс закричал, она в первую очередь подумала, что крик рассердит Питера. Он был в таком хорошем настроении, и ей совсем не хотелось, чтобы оно испортилось. Джеймс любил драматизировать. Наверное, нашел живого краба или медузу, выброшенную на берег.

– Не волнуйтесь, – сказала она. – Я разберусь с ним. А потом, наверное, надо будет возвращаться домой.

Крик не прекращался, и она запаниковала, представив, что случилось какое-то ужасное несчастье, что он поскользнулся и порезался об острый камень, сломал руку или ногу. Она не сразу нашла его. Крик был какой-то бестелесный. Как будто сын растворился в воздухе. И от этого она запаниковала еще сильнее. Фелисити карабкалась по камням и почувствовала, как порвался шов на платье, когда она поскользнулась. Наконец она подбежала к нему, глядя на него сверху вниз. В море уходила глубокая впадина, оставленная отливом, дно которой было едва заполнено водой, и Джеймс стоял там, вроде бы целый и невредимый.

Сначала Фелисити увидела цветы. Они были разбросаны по поверхности воды у самого края впадины, где стоял, застыв с открытым ртом, ее сын. Маки и лютики, маргаритки и розовый клевер. Кто-то, должно быть, спустился вниз и аккуратно разложил их на воде. По крайней мере, так ей это виделось. Ветра не было. Вряд ли цветы доплыли бы сюда, если бы их сбросили с берега. Они были выложены неровным кругом. Затем среди них она увидела синюю ткань юбки и волосы пшеничного цвета. Воды было так мало, что она едва покрывала тело, поднимая тонкую ткань и шевеля волосами. Но сама впадина была глубокой, и вся сцена была в тени. Казалось, будто она смотрит с большого расстояния на какую-то картину.

– Джеймс, – сказала она. – Лезь вверх. Дорогой, иди ко мне.

Она подумала, что вряд ли сможет спуститься к нему, и больше всего ей хотелось, чтобы он перестал кричать. Ее голос будто вывел его из транса, он развернулся и полез обратно к ней. Она обняла его, глядя поверх него на фигуру в воде.

Если бы Лили была одета в то простое платье, что было на ней накануне, Фелисити, может, и узнала бы ее, но сейчас она была убеждена, что не знает этого человека. Она застыла, обхватив сына руками. Она знала, что нужно что-то сделать. Она смотрела медицинские сери-

алы по телевизору, где врачи давят на грудную клетку и вдыхают в рот. Но все это казалось выше ее сил. В голову приходили мелкие, смешные возражения. *Я бы попыталась, если бы на мне были джинсы. Если бы обувь была подходящая.*

Затем подошли остальные. Они, казалось, не больше нее были способны что-то сделать. Глядя на них четверых, глядящих вниз, ей вдруг ужасно захотелось рассмеяться. Потом Джеймс отстранился от нее и посмотрел ей в глаза.

– Мама, – сказал он, уже вполне владея голосом, который лишь слегка дрожал, как будто ему было тяжело дышать. – Что мисс Марш делает в пруду?

И тогда она поняла, что это была Лили.

Глава одиннадцатая

Они сидели за длинным столом на веранде в Фокс-Милле. Было темно, и стол освещался лишь цветной гирляндой, которую Фелисити развесила вдоль фасада дома днем, и одной толстой свечой, которая уже почти догорела. Гэри чувствовал себя очень странно. Он подумал, что это похоже на театральные декорации. Оперу. Весь вечер был пропитан этим мелодраматическим ощущением. Он мог вообразить толстушку, которая сейчас влывет и прогорланит какую-нибудь песенку, протянув руки к темному саду. Иногда он делал звук для опер в ратуше. Некоторые вещи ему нравились, но обычно все было так гротескно, что не получалось даже притворяться, что это реально.

Он был пьян. В последнее время он старался пить меньше. Не как раньше, когда Эмили только ушла от него. Тогда он бывал трезв, только когда ходил наблюдать за птицами. Но сегодня у него был повод. День рождения Питера. Да еще и убийство. Он представил себе тело, распластанное под водой, как морская звезда, покрытое цветами. Это напомнило ему коллаж, который можно было увидеть на стене в Балтийском центре современного искусства в Гейтсхеде. Куски сети, разрезанная веревка, водоросли и ракушки. Красиво. Если тебе нравятся такие вещи. Он потянулся к бутылке красного и наполнил свой бокал, порадовавшись, что рука не дрогнула и вино не пролилось.

Фелисити подала ужин, и все было прекрасно как всегда. Большая кастрюля с цыпленком, пахнущим лимоном и травами. Он не знал никого, кто готовил бы так, как она. С тех пор, как он познакомился с Питером, он думал, что это именно то, чего ему хотелось – не только еды, конечно, но семью, жену. Именно это он представлял, когда делал предложение Эмили. Теперь он задавался вопросом, не слишком ли все это хорошо, чтобы быть правдой. Не было ли все это частью представления. Семья Калвертов дома. «Я мог бы добавить звуковые эффекты», – подумал он и представил, как прикрепляет микрофон к верху этого простого черного платья, которое было на Фелисити. Ее кожа была бы теплой. Он был бы достаточно близко, чтобы услышать ее духи, запах шампуня. Он подумал, что у всех них были фантазии о Фелисити, особенно когда она была моложе. Но и сейчас она всех восхищала. Иногда он замечал, как Клайв тарашится на нее, приоткрыв рот. Интересно, у Клайва вообще были женщины? Гэри пару раз предлагал свозить его в город, но Клайв всегда отказывался. Возможно, он предпочитал реальной жизни фантазии о Фелисити.

Было поздно для ужина, даже по его меркам, а он привык есть в странное время. Им пришлось ждать, пока полиция приедет к маяку, объяснять, кто они такие, оставить свои имена и адреса. Потом дойти до дома. Напротив него за столом сидел Джеймс, сын Фелисити, почти засыпая над едой. Вдруг мальчик проснулся и заговорил о мертвой девушке.

– Как вы думаете, что с ней случилось?

– Не знаю, – сказала Фелисити. – Какой-то ужасный несчастный случай.

Гэри знал, что это неправда. Все взрослые знали, что это не несчастный случай. Цветы доказывали, что смерть не была случайной.

– Если бы она поселилась в коттедже, – угрюмо сказал Джеймс, – то помогала бы мне с домашней работой.

Гэри не знал, что стоит за этим комментарием, и был слишком пьян, чтобы вникать. Потом Фелисити убедила Джеймса пойти спать. Она обняла его, почти донесла до дома, и мужчины остались одни. Где-то за ними в высоких дубах вдоль дороги закричала неясность. Темные тени летучих мышей металась в свете огней. Чужие праздники, чужие дни рождения – эти моменты Гэри любил больше всего. Сидеть всем вчетвером после ужина, расслабленно, как ни с кем больше, иногда молча, иногда беседуя о былой славе или строя планы на будущее – поездки за границу, большая книга о птицах графства. Но сегодня все чувствовали себя

неловко. Казалось, будто мертвая девушка лежит на столе между ними, капая морской водой и напоминая о себе.

– Что имел в виду Джеймс? – спросил Сэмюэл. – Эта девушка собиралась здесь поселиться?

– Нет! – сказал Питер. – Мальчик просто валял дурака.

И они снова погрузились в неловкое молчание.

Потом вернулась Фелисити и убрала со стола. Принесла тарелку с сыром и предложила кофе. Питер открыл еще одну бутылку вина. Фелисити села рядом с ним. Сэмюэл вернулся к теме мертвой девушки и тому, откуда Джеймс ее знал, но на этот раз вопрос был адресован Фелисити.

– Ее звали Лили Марш, – сказала она. – Она была практиканткой в школе Джеймса.

Она хотела было продолжить, но ее прервал крик, такой громкий, что все вздрогнули. Гэри почувствовал, как подскочил пульс, и подумал, в том ли он возрасте, когда случаются инфаркты. «Нужно меньше пить», – снова подумал он. Он не был готов умереть. Не сейчас.

– Привет! Есть кто дома?

Голос глубокий и резкий. Гэри не понял, мужчина это или женщина. У французского окна, выходящего на веранду, появилась фигура. Женщина. Высокая и тяжелая, но в юбке. Она включила свет внутри, и ее силуэт вырисовался на фоне комнаты.

– Не стоит оставлять дверь на одной только задвижке, – продолжила она ворчливым тоном учителя, разговаривающего с идиотами. – Даже если вы дома, никогда не знаешь, кто может зайти.

Они все уставились на нее, все еще испуганные. Она потопала к ним. Когда она подошла к столу, свеча осветила ее лицо. Она выдержала паузу, прежде чем заговорить. Гэри подумал, что она еще одна любительница драмы.

– Инспектор Вера Стенхоуп. Полиция Нортумберленда. Я старший следователь по делу о той девушке, которую вы нашли.

Она выдвинула стул, на котором сидел Джеймс, и осторожно на него опустилась. Это было складное парусиновое кресло с деревянной рамой. Ткань затрещала.

Гэри внимательно наблюдал, ожидая, что она порвется. Возможно, она тоже этого ждала. Эта женщина, похоже, получала удовольствие от фарса. Но парусина выдержала, и Вера радостно продолжила, обращаясь к Фелисити:

– Я так понимаю, вы ее знали. Девушку, которая умерла, я имею в виду. Вы вроде бы как раз говорили...

Фелисити ответила, колеблясь. Она постоянно смотрела на Питера. Гэри не понимал, что это значит. Она повторила фразу, которую начала перед драматическим появлением Веры Стенхоуп.

– Ее звали Лили Марш. Она была практиканткой в начальной школе в Хепворте, где учится мой сын. Она появилась здесь вчера, приехала с ним на автобусе. Похоже, Джеймс сказал ей, что она может пожить в нашем коттедже до конца семестра. Естественно, не обсудив с нами.

– Ты мне не рассказывала, – сказал Питер.

– Нечего было рассказывать. Она осмотрела домик и ушла.

– Значит, вы сказали ей, что она может тут остановиться? – спросила Вера Стенхоуп.

– Кажется, мы обе не могли принять решение. Я даже не поняла, понравился ли ей коттедж. Она сказала, что подумает.

Фелисити повернулась к Питеру. Гэри видел: она надеется, что он не устроит сцену, не станет вести себя заносчиво и напыщенно. Гэри очень любил Питера, но тот умел быть более напыщенным, чем кто-либо другой.

– Конечно, если бы девушка решила, что ей это интересно, я бы обсудила это с тобой, прежде чем решать, сдавать ей домик или нет. Джеймсу она очень нравилась.

– Кто-нибудь еще из вас встречал Лили Марш?

Женщина уставилась на них. Гэри подумал, что она может внушить тебе чувство вины, даже если ты не делал ничего дурного.

– Похоже, она была симпатичная. Такую не забудешь.

Все забормотали что-то в знак отрицания, закачали головами.

– Расскажите подробнее, как вы обнаружили тело. Сначала ее увидел мальчик, потом вы пошли посмотреть. Кто-нибудь еще был поблизости?

Клайв поднял руку. «Как ребенок, – подумал Гэри. – Застенчивый нервный ребенок».

– На траве у ручья была семья. Отец и два мальчика, кажется. Играли в футбол.

– У маяка стояли машины?

Снова ответил Клайв:

– Минивэн. Один из этих больших «Рено». Красно-коричневый. Не помню номер, но зарегистрирован в прошлом году.

– Почему вы это запомнили?

– Я замечаю разные вещи, – словно защищаясь, сказал Клайв. – Детали. У меня это хорошо получается.

– Что вы вообще делали на смотровой вышке? Сейчас не самое подходящее время года для наблюдения за морскими птицами, и только что был отлив.

– Что вы знаете о наблюдении за морскими птицами? – слова вырвались прежде, чем Гэри смог себя остановить.

Она посмотрела на него и рассмеялась:

– Мой отец был в каком-то смысле орнитологом-любителем. Наверное, набралась от него. Проникает в кровь. Иногда он брал меня с собой на побережье. Хотя на самом деле он больше любил холмы. Сходил с ума по хищным птицам.

Она замолчала.

– Это и свело вас вместе? Орнитология?

– Ага.

Гэри подумал, действительно ли она хочет это знать и как он мог бы это объяснить. Его всегда интересовали птицы. Когда ему было десять, он увидел в школьной библиотеке старый экземпляр «Энциклопедии о птицах», и с тех пор это стало чем-то вроде одержимости или навязчивой идеи. Музыка тоже была чем-то таким, но другого рода. Музыкой он занимался с друзьями. А наблюдение за птицами первое время было тайной страстью. Он начал с собирания яиц в парке. Затем в старших классах познакомился с Клайвом Стринджером. У них больше не было ничего общего, и теперь он не мог вспомнить, какой случайный разговор их свел. Наверное, он сделал какое-то замечание, которое выдало его интерес. Обычно он следил за тем, что говорит. Он не хотел, чтобы вся школа узнала, чем он занимается по выходным. У него была репутация, и он ее поддерживал. Для него было открытием, что кто-то испытывал к миру природы такую же страсть, как он. Они с Клайвом стали ездить наблюдать за птицами вместе. Туда, куда можно было доехать на автобусе. Пруд в Ситоне. Остров Сент-Мэрис. Кладбище Уитли-Бей.

И вот однажды, когда они сидели в засаде в Ситоне, ожидая появления белохвостого песочника, они встретили Питера Калверта. Знаменитого доктора Калверта, который писал статьи для журнала «Птицы Британии» и когда-то был председателем Комитета по учету редких птиц. Он был одет в черный костюм, с галстуком и белой рубашкой. Необычный наряд для наблюдения за птицами. Возможно, он увидел, что они тарашатся на него, и решил, что нужно объясниться. Возможно, поэтому он с ними и заговорил. Сказал, только что был на

похоронах. Жена его лучшего друга. Все остальные ушли к нему домой на поминки, но он не мог это выдержать. Пока что.

Потом он предложил им поучаствовать в кольцевании. Между делом. Не осознавая, что для них это было самым волнующим предложением в мире. Он сказал, что есть один орнитолог-любитель, который учит кольцевать. Сэмюэл Парр. Он за ними присмотрит. Это его жену они только что похоронили, и ему нужно было на что-то отвлечься. Кроме того, им в Дипдене не повредит свежая кровь. После этой встречи Гэри и Клайв проводили почти все выходные выше на побережье, на Дипденской орнитологической станции, спали на двухъярусных кроватях в комнате общежития, вставали на рассвете, чтобы расставлять сети и кольцевать птиц. Все они стали друзьями.

Гэри понял, что детектив все еще пялится на него.

– Ну? – спросила она. – Что вы делали на вышке, если не наблюдали за птицами?

– Всегда есть шанс, что какая-нибудь интересная птица пролетит мимо, – ответил он. – Но мы пошли гулять. Сегодня день рождения Питера. Мы делаем так каждый год.

– Традиция?

– Да. Что-то вроде этого.

Гэри подумал, почему никто больше не присоединится к разговору? Почему они предложили отвечать ему?

Вера по-прежнему смотрела на него. Она вытянула ноги вперед, большие, довольно грязные ноги в сандалиях.

– Как тебя зовут, милый?

– Гэри Райт.

Она вытащила из большой бесформенной кожаной сумки блокнот, перелистнула страницу, посмотрела на свои закорючки. Но Гэри подумал, что все это только для того, чтобы произвести впечатление. Она уже знала все факты, наверняка поняла, кто он, как только села за стол.

– Вы живете в Шилдсе?

Он кивнул.

– Вы уверены, что не знали девушку? Что-то мне подсказывает, что вы любитель вечеринок. И вы не чисты. Пара предупреждений за пьянство и беспорядки, судимость за хранение наркотиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.